И. М. Ильинский

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ

Москва 2019

И. М. Ильинский

возвращение имени

(документальный очерк о Н. В. Трущенко)

Ильинский, И. М.

И46 Возвращение имени (документальный очерк о Н. В. Трущенко) / И. М. Ильинский. — Москва : Издательство Московского гуманитарного университета, 2019. — 51 с. — Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-907194-34-2

Документальный очерк «Возвращение имени» о Николае Владимировиче Трущенко, первом ректоре Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, написан в год 75-летия Московского гуманитарного университета. Это дань памяти человеку, сыгравшему огромную роль в создании и развитии вуза. «Близкие друзья», «родственность душ и единство наших мыслей» — так характеризует ректор МосГУ, автор очерка И. М. Ильинский взаимоотношения с Н. В. Трущенко.

Очерк адресован в первую очередь студентам, преподавателям, сотрудникам МосГУ, всем, кто интересуется историей страны.

ББК 63.3(2)63

Содержание

Предисловие	4
1. Почему я пишу этот очерк о Н. В. Трущенко?	
2. Как Н. В. Трущенко стал ректором ВКШ	10
3. Личность. Творец. Созидатель	13
4. Ректор знал себе цену	20
5. «Сладкая каторга»: счастливые и ненастные дни и годы	21
6. Ссора близких друзей	29
7. Исповедь Победителя	32
8. Екатерина Ивановна — надежный тыл «Н. В.»	36

Вольны мы в том, чтобы себя прославить, Навеки имя доброе оставить. Иль имя, заклейменное презреньем, Оставить на проклятье поколеньям. Неизвестный автор

Предисловие

В 2013 году опубликован сборник статей о ректоре Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ (ВКШ) Николае Владимировиче Трущенко с названием «Ректор из поколения Победы»¹, соавторами которого являются 97 человек. Среди них — первые секретари ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников (1968–1978), Б. Н. Пастухов (1978–1982), В. М. Мишин (1982–1986), а также В. Н. Ганичев, З. Г. Апресян, В. И. Десятерик, В. Б. Арсентьев, В. П. Мошняга и другие, занимавшие в системе ВЛКСМ ответственные должности. Остальные авторы — проректоры, деканы, заведующие кафедрами, профессора, преподаватели, сотрудники и выпускники ВКШ.

Рецензировать этот труд объемом в 472 страницы с множеством прекрасных фотографий нет нужды — каждый из авторов сказал, что хотел и как мог. Стоит, однако, заметить: одни смотрели на Николая Владимировича сверху, вторые — сбоку и издали, третьи — снизу, как подчиненные. Отсюда точка зрения на «объект», масштаб и характер знаний о нем. Разные по объему и качеству эскизы этого сборника полностью (за исключением нескольких) написаны в подчеркнуто положительном, а то и восторженном духе. Не сомневаюсь, в абсолютном большинстве — искренне. Хотя кое-кто, вполне возможно, следовал древнему афоризму: «О мертвых либо хорошо, либо ничего»...

1. Почему я пишу этот очерк о Н. В. Трущенко?

От соавторства в сборнике «Ректор из поколения Победы» я по ряду причин отказался. Главная из них заключалась в том, что я не мог выразить свои взгляды на личность «Н. В.», как называли мы Николая Владимировича в узком кругу, на нескольких страницах. Нас с «Н. В.» связывали особые и долгие отношения — мы были близкими друзьями, о чем не может сказать никто из соавторов сборника. Дело в том, что с октября 1968 по май 1971 года я работал заместителем заведующего Отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, курировал сектор подготовки и переподготовки кадров ВЛКСМ.

Дружба наша зародилась, росла и крепла, набирая высоту в совместной многомесячной работе по созданию основополагающих документов о еще не существовавшей в реальности Высшей комсомольской школе. Именно тогда, в бытность «Н. В.» еще директором Центральной комсомольской школы (ЦКШ), мы осознали родственность душ и единство наших мыслей.

¹ Ректор из поколения Победы. М.: Луч, 2013.

2 сентября 1969 года Н. В. Трущенко назначили ректором ВКШ. Таким образом, почти два с половиной года я находился в роли его непосредственного начальника. А потом, с 1977 по 1986 год, трудился в ВКШ под его руководством.

Дружба эта была проверена на прочность длительным разрывом наших отношений, но не погибла. Находясь в стороне от ВКШ и «Н. В.» почти восемь лет (о причинах скажу позже), я хранил в своей душе грусть и сожаление, как порой казалось мне, от утраты дорогого друга.

Но когда в феврале 1994 года стал ректором Института молодежи и мы вновь встретились с «Н. В.», стало ясно, что его угнетали те же самые чувства.

В тот момент Николай Владимирович был уже тяжко болен. Оба мы понимали, что исход недалек... В июле 1997 года «Н. В.» покинул этот грешный мир.

Но не мою душу. Долгие годы меня томило желание сказать миру свое слово о Николае Владимировиче Трущенко, но в хаосе и суетности бытия в нынешней России все было недосуг.

И вот нагрянули возраст и события, когда ничего из главного в этой жизни нельзя откладывать на потом...

...Любое человеческое творение — будь то политика, управление, живопись, музыка, наука, педагогика или другие сферы жизни общества — это **портрет творца**.

При жизни «портреты» частенько пишут о личностях, ничем особо не выдающихся, наделяя их несуществующими добродетелями и оставляя за скобками плохую правду, держат ее при себе до тех пор, пока вокруг не останется никого, кто мог бы противоречить «живописцу». И уж тогда дают полную волю своему перу. Речь идет прежде всего о политиках, нападать на которых при их жизни, да еще впрямую, без забрала, столь же опасно, как положить свою голову в открытую пасть тигра.

Армада приспособленцев и лжецов живет из века в век, ибо эти персонажи способны опускаться до уровня людей, среди которых поневоле находятся, даже если испытывают к ним отвращение. Причина понятна: человеку надо как-то выживать, и он приносит честь и совесть в жертву своему благополучию.

С другой стороны, литературоведы, музыковеды и прочие исследователи историй жизни и творчества своих кумиров нередко склонны к преувеличению и без того несомненных достоинств писателей, поэтов, композиторов и других «объектов», взятых ими в качестве предмета изучения. И тут причина столь же простая: тот, кто возвеличит их таланты лучше других, глядишь, и сам останется в истории рядом с истинными великанами творчества. Так и в этом случае тщеславие вступает в сделку с совестью и честью...

В моем документальном очерке о Николае Владимировиче Трущенко — **последнем** директоре ЦКШ и **первом** ректоре Высшей комсомольской школы нет ни корысти, ни выгоды, ни лести. Николай Владимирович уже давно ушел из жизни, и мне от него, как говорится, ничего не надо.

Главное в другом — именно «Н. В.» в течение 17 лет — с первых дней решений ЦК КПСС и Бюро ЦК комсомола о создании ВКШ и начала ее деятельности 1 ноября 1969 года — руководил созданием уникального вуза и создал его. Это плод его многолетнего творчества, а я лишь представляю читателю эскизный портрет Творца.

Я пишу о Н. В. Трущенко по праву человека, которого с этой замечательной Личностью, как уже сказано, поначалу свели, а затем, несмотря **на тринадцатилетнюю разницу в возрасте**, подружили служебные обязанности, а вскоре — человеческая приязнь, духовное единение, взаимное доверие, общность взглядов на смысл жизни и общественные интересы.

Надо сказать, что разница в возрасте ни «Н. В.», ни меня не смущала. До работы в ЦК я уже дважды руководил людьми вдвое старше меня и более того.

Демобилизовавшись из армии, вскоре был назначен мастером механических мастерских на военизированной стройке п/я 53. Тогда мне исполнилось 22 года, а некоторые токари, фрезеровщики, слесари, электросварщики уже подходили к пенсии...

Расставаясь с работой в Дзержинском райкоме комсомола г. Новосибирска, когда мне «стукнуло» 28 лет, я был назначен начальником механосборочного цеха оборонного завода п/я 23, в котором трудились более 600 человек. Трое из моих заместителей годились мне в отцы.

Общение с Николаем Владимировичем приносило мне радость. Я был горд тем, что близко знаю человека, прошедшего огни и воды Великой Отечественной войны; что «Н. В.», как и мой отец, Михаил Федорович, геройски погибший в 1944 году в боях за Ленинград, тоже был командиром артиллерийского взвода.

В свою очередь Николай Владимирович как бы ненароком иногда замечал: «Да, Игорь, я с трудом представляю, что такое — жизнь в блокадном Ленинграде, хотя чего только не повидал на фронте и в госпиталях... 323 дня в блокаде. А жизнь в эвакуации... А безотцовщина»...

И когда «Н. В.» вдруг задевал глубоко запавшие в мою память беды нашей семьи, в душе поднималась буря, и невидимая волна чувства благодарности неслась в его сторону. Вот такой он был человек, Николай Владимирович: сам — герой войны и других поднимал над обыденностью, понуждал не забывать о былом.

Мне нравилось, что «Н. В.» когда-то тоже работал первым секретарем райкома комсомола, что он, как и я, любил художественную литературу. А как прекрасно он рисовал!.. Только издали, глядя на «Н. В.» со стороны, кто-то мог подумать: «Ну, что такое — историк комсомола? Архивный червь. Сухарь».

Да нет, «Н. В.» был живым, широко образованным, интересным человеком. Высоким, стройным и красивым.

В личности Николая Владимирович Трущенко гармонически сочетались и равнозначно соотносились Разум и Душа. Причины его слов и действий лежали не только в окружающем мире, но прежде всего в нем самом, в его мировоззрении и основополагающих взглядах на человека и общественное устройство страны.

Мы дружили с ним, потому что практически полностью сходились в понимании истории мировой, российской и советской, реальной ситуации в СССР и будущего мироустройства человечества. И были абсолютно убеждены, что «справедливость — это равенство всех во всем». При всей утопичности этого Идеала. Мы полагали, что мир движим утопиями.

Николай Владимирович, как и я, категорически не воспринимал формулу **«справедливость** — **в неравенстве»**. И с первых наших бесед о «перестройке» пришли к согласию, что эта формула либерализма никогда не сможет утвердиться в России.

Я знал, каков Николай Владимирович в быту, рядом с его любимой женой Екатериной Ивановной. Наши семьи много летних месяцев прожили в одном, разделенном на две части, домике дачного поселка ЦК комсомола в Быкове. Множество вечеров и выходных дней мы проводили вместе. Наши жены — Светлана Петровна и Екатерина Ивановна — дружили столь же крепко, как и мы с «Н. В.». Мне есть что вспомнить, но описывать наши беседы, праздничные застолья в его хлебосольной квартире на Воробьевском шоссе (ныне проспект А. Н. Косыгина) — значит выйти далеко за рамки очерка.

Вторая причина, побудившая меня взяться за перо, носит, можно подумать, формальный характер. Если говорить высоким стилем— это ответственность перед Историей. И прежде всего перед первыми секретарями ЦК ВЛКСМ разных лет: Евгением Михайловичем Тяжельниковым, Борисом Николаевичем Пастуховым, Виктором Максимовичем Мишиным.

Не могу не вспомнить и первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павловича Павлова, уже ушедшего из жизни.

Ныне с Е. М. Тяжельниковым, Б. Н. Пастуховым, В. М. Мишиным я нахожусь в товарищеских отношениях. Но в прошлом они были моими руководителями, доверяли мне весьма значительные должности в аппарате ЦК и в системе ВЛКСМ (ответорганизатор, зав. сектором, заместитель заведующего Отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ; главный редактор журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь»; заместитель директора, затем директор Научно-исследовательского центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ).

Не менее важной (не по рангу, а по существу) среди названных исторических фигур является личность Николая Владимировича Трущенко. Если «первые» принимали по поводу ВКШ общие и чрезвычайно важные решения, то конкретным исполнителем этих решений 17 лет был Н. В. Трущенко — «чернорабочий» ВКШ в должности ректора.

Дело в том, что 13 февраля 1994 года я **стал продолжателем их дел**: сначала ректором Института молодежи (ИМ), затем, в 2000 году, ректором Московской гуманитарно-социальной академии (МГСА) — правопреемника Института молодежи, а с 2003 года — ректором Московского гуманитарного университета (МосГУ), которому **в ноябре 2019 года исполнилось 75 лет** ^{1} .

____ ¹ С 1986 года ректором ВКШ, а затем по февраль 1994 года — Института молодежи был Г. С. Головачев.

Я и мои нынешние соратники считаем, что исторические корни МосГУ лежат в октябре далекого 1944 года, когда и было принято решение о создании ЦКШ. Еще продолжалась Великая Отечественная война, но было ясно — СССР побеждает и победит гитлеровский нацизм и мировой фашизм, а значит, скоро наступит пора мирной жизни, надо будет восстанавливать разрушенное народное хозяйство, и эта тяжелейшая задача во многом ляжет на плечи молодежи. Миллионы молодых людей, в том числе лучшие работники комсомола, полегли на фронте. Перед руководителями партии и комсомола встала задача быстрого пополнения понесенных кадровых утрат. Так и возникла идея создания Центральной комсомольской школы, которая вскоре воплотилась в реальность.

ЦКШ действовала 25 лет, и свое назначение выполнила. Но она не была полноценным вузом, хотя в течение 12 лет давала своим слушателям за два года ускоренного обучения объем знаний учительского института. С 1956 года ЦКШ перешла на краткосрочные курсы.

В июне 1968 года первым секретарем ЦК ВЛКСМ был избран Евгений Михайлович Тяжельников. За его плечами был не только опыт комсомольской работы. В 33 года он был назначен ректором Челябинского педагогического института (ныне университета), в 36 — избран секретарем Челябинского обкома партии. Кандидат исторических наук, доцент.

Высокий интеллектуальный уровень Е. М. Тяжельникова означал, что **начинается новый период в деятельности** ВЛКСМ, требующий более высокого уровня подготовки комсомольских работников и активистов, их деятельности, основанной на научных исследованиях проблем несоюзной молодежи и самого комсомола.

Избранный первым секретарем ЦК, именно Е. М. Тяжельников выдвинул идею создания Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ как высшего учебного заведения первой категории. Именно Е. М. Тяжельников и секретарь ЦК комсомола Б. Н. Пастухов с первых дней появления этой идеи в постановлении ЦК КПСС «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» год за годом, повседневно решали множество самых сложных задач стратегического характера. Свой вклад в развитие ВКШ внесли и другие секретари, работники аппарата ЦК ВЛКСМ. Всех не назовешь. Но только три человека — прежде всего Е. М. Тяжельников, а также Б. Н. Пастухов и Н. В. Трущенко, без всякого сомнения, имеют право считать создание и развитие ВКШ предметом своей особой гордости.

Не поступаясь скромностью, хочу сказать, что в этот исторический момент я находился рядом с ними, ближе всех других работников ЦК. Почему? В круг моих обязанностей как заместителя заведующего Отделом комсомольских органов, кроме руководства территориальными секторами Украины (25 областей) и Молдавии, республик Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия) и временно — Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония), как уже говорилось,

входило руководство сектором ЦК ВЛКСМ по подготовке и переподготовке кадров комсомола, в том числе в ЦКШ и ВКШ, зональных и республиканских школах, число которых в тот момент быстро увеличивалось¹.

В создании ВКШ на базе ЦКШ я принимал самое непосредственное участие, начиная с подготовки основных документов: Устава, определения ее структуры (факультетов, кафедр, научных и других подразделений), учебных планов и программ, в том числе постановления ЦК ВЛКСМ от 2 сентября 1969 года «О создании Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ», на первой странице которого в одном ряду с визами секретарей ЦК ВЛКСМ стоит и моя виза.

24 сентября 1969 года началась работа мандатной комиссии по зачислению первых слушателей в ВКШ. Председателем этой комиссии был секретарь ЦК Б. Н. Пастухов, я — одним из ее членов.

С благодарностью вспоминаю доброе отношение ко мне Е. М. Тяжельникова и Б. Н. Пастухова.

1 ноября 1969 года — «первый звонок» в ВКШ. Представить ректора ВКШ Н. В. Трущенко первым слушателям перед началом его актовой лекции в аудитории № 51 учебного корпуса № 2 Е. М. Тяжельников и Б. Н. Пастухов поручили мне.

2 ноября состоялось Торжественное открытие ВКШ, на котором первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников вручил Н. В. Трущенко Знамя Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ.

Приведу слова Е. М. Тяжельникова из его Предисловия к сборнику статей «Ректор из поколения Победы»: «С первых дней я обратил внимание на И. М. Ильинского. Его отличали высокий интеллект, культура, умение глубоко анализировать и обобщать, делать выводы и четко, образно формулировать оригинальные мысли. Уже летом 1968 года он был утвержден заместителем заведующего Отделом комсомольских органов и активно участвовал в создании и становлении ВКШ»². В том же Предисловии Е. М. Тяжельников говорит: «Оперативно с участием Н. В. Трущенко, Б. Н. Пастухова, Г. Елисеева, И. Ильинского были подготовлены, а затем утверждены Устав, учебные планы и программы ВКШ»³.

О том, как разрабатывались основополагающие документы о ВКШ, сказано и в письме Н. В. Трущенко, которое он направил мне 28 июня 1995 года. Текст его в полном объеме приводится в конце очерка.

Говорю все это к тому, что, кроме первых секретарей ЦК Е. М. Тяжельникова и Б. Н. Пастухова, я доподлинно знаю предысторию и начальный этап становления ВКШ. Поэтому, наряду с другими причинами, и пишу этот документальный очерк...

¹ На завершающем этапе в стране действовало около 100 зональных и республиканских

 $^{^{2}}$ Ректор из поколения Победы. С. 12. ^{3} Там же. С. 10.

Нельзя не отметить, что к моменту создания ВКШ на кафедрах ЦКШ за годы ее деятельности были разработаны тематические планы, учебные программы, учебно-методические материалы. Особенно на кафедрах узкопрофессионального комсомольского блока. В основном был сформирован и кадровый состав.

Но перед ВКШ ставились задачи несравненно более высокие и сложные, поэтому далеко не все кадры, учебные планы и программы соответствовали этим задачам. Что-то надо было переделывать, многое делать заново, кого-то из бывших работников ЦКШ отставлять в сторону...

Это было понятно из постановления ЦК ВЛКСМ. Но еще более жестко в личных беседах со мною и «Н. В.» их ставил Е. М. Тяжельников.

Через четыре месяца, 16 февраля 1970 года, выступая на Торжественном собрании, посвященном 25-летию ЦКШ, Е. М. Тяжельников предельно остро сформулировал вопрос в отношении исследований проблем молодежи: «Новый этап в жизни комсомольской школы, ее новый статус и положение требуют совершенно иной постановки научной работы, чем это было прежде.

Высшая комсомольская школа на деле должна стать центром разработки молодежных проблем. Она должна стать центром создания большой науки о комсомоле и молодежи, науки, опирающейся на конкретные исследования, на глубокое проникновение в суть процессов и явлений, совершающихся в жизни и борьбе современной молодежи, давать смелые выводы и обобщения, вырабатывать практические рекомендации по работе с молодежью. Без существенного улучшения этой стороны деятельности Высшая комсомольская школа не выполнит своего назначения».

Вот почему «Н. В.» и я в его кабинете за длинным рабочим столом для совещаний с утра до позднего вечера месяцами корпели над разработкой **уникальных учебных и научных планов и программ** ВКШ задолго до того, как были приняты соответствующие постановления ЦК КПСС, Бюро ЦК ВЛКСМ и школа начала действовать.

Через считаные месяцы весь груз этого огромного и сложного Дела лег на плечи одного человека - H. B. Трущенко.

2. Как Н. В. Трущенко стал ректором ВКШ

В конце 60-х, да и в 70-е годы XX века серьезных ученых, занимавшихся в СССР молодежной и комсомольской проблематикой, были считаные единицы, они жили в крупных городах и ценились местными властями на вес золота. Мне, как замзаву ОКО ЦК ВЛКСМ, известны были имена В. Привалова (г. Ленинград), Ю. Бабко (Украина), М. Мухамеджанова (г. Москва), А. Журова (Белоруссия) и некоторые другие. Но о том, что в городе Горьком (ныне Нижний Новгород) живет человек по фамилии Трущенко, я не ведал.

Зато хорошо знал Владимира Александровича Сулемова, который был связан со многими более или менее заметными исследователями историко-комсомольского и молодежного направлений. Сулемов заведовал кафедрой исто-

рии ВЛКСМ и международного молодежного движения ЦКШ. Талантливый ученый, прекрасный педагог, кандидат наук, широко известный в стране, и «свой человек» в ЦК. «Чем не ректор ВКШ?» — мелькнула однажды мысль в моей голове.

Сулемов частенько заглядывал ко мне в кабинет — «просто так». Мы судачили о делах в ЦКШ, а когда возник вопрос о создании ВКШ, рассуждали и на эту тему.

Однажды Сулемов спросил: «Ну а как дела с кандидатурой ректора ВКШ?» Я пожал плечами: «Не знаю». — «А в ЦКШ ты никого не находишь?» — «Нет», — вдруг сказал я. «А жаль... — молвил Сулемов. — Жаль». Встал и, сухо попрощавшись, ушел.

И тут я понял, что в роли ректора Сулемов видит себя. Сообщил о нашем разговоре Б. Н. Пастухову. Тот сказал: «Это вопрос Тяжельникова, ты по этому поводу голову не ломай».

В сборнике «Ректор из поколения Победы» В. А. Сулемов рассказывает о том, как трудно проходила у Н. В. Трущенко защита докторской диссертации в диссертационном совете МГУ им. М. В. Ломоносова¹. Проблема возникла потому, что на защиту диссертации «Н. В.» пришли 10 ветеранов комсомола, в том числе участники оппозиции РКСМ 1918—1920 годов во главе с ее идейным руководителем В. А. Дунаевским. В своей диссертации Трущенко громил именно эту оппозицию. Естественно, развернулась бурная дискуссия, которая длилась семь часов. Трущенко был физически измотан, но все завершилось благополучно. В том числе благодаря поддержке В. А. Сулемова и других друзей «Н. В.».

В. А. Сулемов отмечает: «...отрицательное решение Совета МГУ могло бы отрицательно сказаться на подборе будущего ректора ВКШ, неизвестно, кто бы мог быть назначен... Но все пошло у Николая Владимировича хорошо» ^{2} .

«Я не случайно отмечаю это, — продолжает Сулемов. — Буквально через несколько дней после защиты диссертации второй секретарь ЦК ВЛКСМ, который курировал работу комсомольской школы, Б. Н. Пастухов пригласил меня по поводу выявления возможного кандидата на должность ректора будущей ВКШ, желательно из ученых, занимавшихся молодежной проблематикой. Я предложил рассмотреть вопрос о Н. Трущенко... Через несколько дней с моей рекомендацией согласился Е. М. Тяжельников — первый секретарь ЦК ВЛКСМ»³.

Между тем вопрос о создании ВКШ застопорился. Отдел партийных органов ЦК КПСС посчитал, что открывать полноценный вуз при ЦК комсомола не имеет смысла: подготовку и переподготовку комсомольских кадров можно осуществлять в республиканских, краевых и областных партийных школах, а работников комсомола высшего ранга — в Высшей партийной школе при ЦК КПСС в Москве.

¹ Ректор из поколения Победы. С. 134–135.

² Там же.

³ Там же. С. 134–136.

В этой ситуации **Е. М. Тяжельников позвонил Л. И. Брежневу** и попросил принять его и членов Бюро ЦК ВЛКСМ. Встреча состоялась, идея создания ВКШ при ЦК ВЛКСМ как вуза первой категории получила поддержку генсека. **7 мая 1969 года Н. В. Трущенко был утвержден директором ЦКШ.**

В августе 1969 года было принято постановление ЦК КПСС «О создании Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ». А **2 сентября 1969 года H. В. Трущенко был назначен ректором ВКШ**. По согласованию с Е. М. Тяжельниковым Б. Н. Пастухов дал мне конфиденциальное поручение: заняться поиском кандидатур на должности проректоров ВКШ, заведующих кафедрами, профессоров. Существовала договоренность Е. М. Тяжельникова с министром высшего образования СССР В. П. Елютиным, что в этой работе мне будет помогать его заместитель Николай Иванович Мохов...

В истории нашего вуза (ЦКШ — ВКШ — ИМ — МГСА — МосГУ) 75 лет — дата значительная. Руководители университета, его профессора, преподаватели, сотрудники и большинство обучающихся чтят славную историю своих предшественников. Ибо убеждены в том, что этапы деятельности ЦКШ и ВКШ, как и всей эпохи советской власти, высоко значимы для нынешней России и ее будущего...

В юбилейные дни мы должны бы вспомнить имена всех, кто закладывал основы нашего нынешнего учебного заведения, отдать им почести, которые они заслужили. Однако по понятным причинам в моем повествовании названы лишь некоторые из этих имен, а подробно сказано только о Николае Владимировиче Трущенко.

Ныне многие даже работавшие с Трущенко и обучавшиеся в ВКШ слушатели редко вспоминают о нем. Увы... Так устроена человеческая память: мы многое и о многих забываем. Это естественно, и все же, все же... Тем, кто работает и учится в Московском гуманитарном университете в настоящее время, следует знать имя этого человека, быть благодарными Николаю Владимировичу за его особые заслуги перед нашим вузом. Неблагодарность, как известно, один из тяжких человеческих пороков. Избежим его...

Надо сказать, что в знак памяти и благодарности Николаю Владимировичу Трущенко сделано не так уж мало.

Еще в 1994 году, когда я только что был назначен ректором Института молодежи, в корпусе № 2 была торжественно открыта аудитория № 51 имени Н. В. Трущенко, в которой он прочитал в ВКШ свою **первую** актовую лекцию.

В 1996 году для студентов-отличников учреждена стипендия «Надежда Института» имени Н. В. Трущенко.

В 1998 году зал Ученого совета вуза украсил портрет Николая Владимировича.

В 2004 году в административно-учебном корпусе, где находился рабочий кабинет Николая Владимировича, начала свою жизнь Галерея Почета. В одном ряду с портретами первых секретарей ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова, Б. Н. Пастухова, В. М. Мишина здесь размещен и портрет Н. В. Трущенко.

11 ноября 2009 года, в дни празднования 65-летнего юбилея Московского гуманитарного университета, у входа в третий учебный корпус была торжественно открыта Мемориальная доска первому ректору Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ Н. В. Трущенко...

Ежегодно в сентябре, вручая стипендии «Надежда Университета» имени Н. В. Трущенко на торжественных праздниках посвящения в студенты, мы рассказываем первокурсникам о жизни и деятельности Николая Владимировича.

А все-таки названные знаки нашего внимания к этому человеку мало что говорят людям. Сам не раз слышал, как студенты нашего университета, стоя у Мемориальной доски третьего учебного корпуса, вполголоса вопрошали: «Трущенко? Ну, ректор... А что такое особенное он сделал?»

Вот об этом «особенном», что сотворил ректор ВКШ Николай Владимирович Трущенко, я и хочу рассказать.

3. Личность. Творец. Созидатель

О Николае Владимировиче Трущенко можно написать прекрасную «повесть о настоящем человеке». Я же в телеграфном стиле скажу о самом главном.

Н. В. Трущенко был Личностью. В масштабах ВКШ — личностью, несомненно, выдающейся.

В 17 лет, окончив девятый класс и прибавив себе год в возрасте, добровольно отправился на фронт, с боями прошел всю войну — с 1941 по 1945 год, от Москвы до Берлина. Служил политруком Горнострелкового полка, командиром огневого взвода, в разведке дивизии 1-го Белорусского фронта.

Ушел на фронт рядовым — вернулся с войны в капитанском звании, инвалидом **первой** группы: был дважды тяжело ранен, дважды контужен. Награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красного Знамени, Красной Звезды и пятью медалями. Две из них — «За оборону Москвы» и «За взятие Берлина». Знаковые!

В возрасте 22 лет, несмотря на инвалидность и прочие житейские проблемы, работал вторым, затем первым секретарем райкома комсомола в г. Балахна.

Вопреки всем трудностям окончил педагогический институт. Работал старшим преподавателем в Горьковском госуниверситете. Был заведующим отделом пропаганды и агитации Горьковского обкома партии. Заведовал кафедрой Горьковского госуниверситета.

В 1968 году защитил докторскую диссертацию.

Стал одним из первых в СССР известным исследователем проблем молодежи, истории комсомола и международного молодежного движения.

Через 23 года, когда первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников в 1968 году предложил Трущенко на несколько месяцев стать директором ЦКШ с перспективой возглавить Высшую комсомольскую школу, Николай Владимирович был уже всесоюзно известным ученым, автором многих книг и брошюр, лауреатом в ту пору престижной премии Ленинского комсомола.

- Н. В. Трущенко был **человеком высокого интеллекта**, т. е. обладал умом, способным к обучению, запоминанию и абстрактному мышлению, без чего невозможно понимание Происходящего. От имел психику высокого позитивного качества, которая способствовала личной адаптации к новому и стремлению к новаторству. В России (не говорю в СССР), где население в силу объективных климатических, исторических и социокультурных факторов в значительной части находилось в состоянии психологической депрессии, ректор ВКШ, излучавший глубокий ум, бодрость духа, уверенность в своих силах, представлял собой для преподавателей, сотрудников и слушателей живой «аккумулятор», от которого они подзаряжались энергией и верой в успехи завтрашнего дня.
- Н. В. Трущенко для многих служил примером, потому что был **чрезвычай- но организованным** человеком **с огромной работоспособностью**: вставал очень рано и практически каждый день с пяти утра до половины восьмого и все выходные читал и писал. А без пятнадцати девять он уже был в ВКШ, в своем рабочем кабинете.

Обладал **феноменальной памятью**, в которой хранились тысячи дат, цифр, фактов, названий, имен, находившихся в строгой системе.

Половину своих очередных отпусков он, как правило, проводил **в архивах**. И так было все годы, когда он возглавлял ВКШ.

Н. В. Трущенко заведовал кафедрой истории и был **превосходным Педагогом**. Его лекции, которые я слушал не раз, были классическими по их построению, доходчивы для слушателей, а слова слышны без микрофона в каждом уголке аудитории. Хотя, как «Н. В.» говорил мне, в начале преподавательской деятельности у него не все получалось.

И тогда он стал брать уроки актерского мастерства у артистов Горьковского (ныне Нижегородского) театра, «ставить» голос, отрабатывать дикцию. Как он это делал? Набивал рот мелкой галькой и часами ходил по берегу Волги, про-износя вслух специальные скороговорки, пока не достиг желаемого эффекта.

- Н. В. Трущенко был прекрасным **исследователем и публицистом**, автором сотен статей и брошюр, которые принесли ему широкую известность. Две книги Н. В. Трущенко: «В пламени суровых испытаний» повествование о его пути в годы Великой Отечественной войны и «Александр Косарев» о трагической судьбе выдающегося первого секретаря ЦК ВЛКСМ, которая вышла в издательстве «Молодая гвардия» в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», были отмечены всесоюзными премиями.
- Н. В. Трущенко был **великолепным управленцем**. Особенно если учесть, в какие времена он управлял ВКШ. С финансово-экономической точки зрения быть ректором в ту пору было несравнимо легче, чем нынче: денег на функционирование и развитие школы ЦК комсомола выделял практически столько, сколько запрашивал ректор.

Знаю это и как директор Научно-исследовательского центра **при** ВКШ, который с 1985 года финансировался в бюджете ЦК отдельной строкой, и как секретарь парткома ВКШ в течение двух лет, когда я имел доступ к любой инфор-

мации по ВКШ в целом. Главным было убедительное обоснование — зачем, для каких целей эти деньги нужны. Задача заключалась только в том, как организовать дело так, чтобы вовремя и полностью потратить эти деньги именно на указанные ЦК цели, без переброски их на другие статьи расходов.

Но существовали и немалые трудности.

Дефицит строительных материалов превращал в те годы любое дело в предмет едва ли не подвига: многое надо было «проталкивать», «пробивать», «добывать», будь то стройматериалы или рабочая сила.

Учебный корпус № 3 строился девять лет... В конце книги есть фотография, на которой Н. В. Трущенко и управляющий делами ЦК комсомола Владимир Ситцев стоят на коленях перед генералами и полковниками военно-строительных частей. На фото — это всего лишь шутливый сюжет. Но, фигурально выражаясь, Трущенко частенько «стоял на коленях» в различных кабинетах...

В течение 17 лет он крепко держал в своих руках огромное хозяйство — ВКШ. А правильней сказать — **творил** его. В советские времена занимать должность ректора вуза столь долгий срок было редким исключением. Почему это удалось Трущенко? Потому, что у него **получалось все**: и становление педагогического, научного и воспитательного процессов, и управление постоянно растущим коллективом вуза, и строительство новых зданий и сооружений.

Уже то, что Трущенко так долго оставался ректором ВКШ, — хороший показатель. Но главное в другом: Трущенко стоял у истоков ВКШ — самой трудной стадии становления и первых этапов ее развития. Именно Трущенко в этом смысле создал Высшую комсомольскую школу — во многих отношениях уникальное учебное заведение, учредителем и собственником которого был Центральный комитет ВЛКСМ, финансировавший все сферы деятельности ВКШ: строительство новых учебных корпусов, общежитий, спортивного комплекса, а самое главное — учебный, воспитательный и научный процессы и все, что связано с ними, — заработная плата руководителей, профессоров и преподавателей, сотрудников, стипендии слушателей.

Была у Высшей комсомольской школы и еще одна **специфика**. Если в обычных госвузах соотношение числа преподавателей к числу студентов было 1:12, то в ВКШ -1:6, а для иностранцев -1:4, т. е. обучение было более **индивидуализированным** и, следовательно, **более качественным**.

Студенты получали стипендию, размер которой был на уровне **средней за-работной платы в стране**. Жили они во вновь построенных общежитиях в комнатах на два-три человека, а аспиранты (особенно вторых и третьих курсов обучения), как правило, **по одному** человеку.

Уже в ту весьма спокойную пору территорию ВКШ охраняла милиция. Стадион, бассейн, спортзал, теннисный корт, волейбольные и баскетбольные площадки, различные спортивные секции, кружки художественной самодеятельности позволяли слушателям жить здоровой, интересной и насыщенной жизнью.

На сегодняшнем языке все это означает, что ВКШ была **элитным вузом**, производила «штучный товар» весьма высокого качества.

Об этом говорят судьбы выпускников ВКШ. Абсолютное большинство из них, несмотря на последующие социальные катаклизмы в нашей стране, состоялись и как личности, и как деловые люди. В своем подавляющем большинстве они оказались способными адаптироваться к изменяющейся обстановке, учиться новому делу и переучиваться столько раз, сколько это необходимо. И это не случайность.

Состав слушателей был уникальным: их не набирали, а тщательно отбирали, начиная с уровня райкомов, горкомов комсомола. Затем будущим претендентам на обучение в ВКШ было необходимо получить рекомендацию обкома или ЦК ЛКСМ союзной республики, пройти мандатную комиссию ЦК комсомола, сдать экзамены и выдержать конкурс из трех-четырех человек на место. Непростые задачи! Хотя случались и неприятные казусы...

Н. В. Трущенко был **Строителем**, а в самом широком смысле этого слова — **Созидателем**.

За первые 10 лет существования ВКШ (с 1969 по 1979 год) были построены два общежития на 1200 мест, главный учебный корпус № 3 площадью около 18 тысяч квадратных метров, спортивный комплекс с бассейном, волейбольными и баскетбольными площадками, тренировочными залами для других видов спорта; три 14-этажных 98-квартирных жилых дома для преподавателей и сотрудников ВКШ; начато строительство хозяйственной зоны.

Был разработан и утвержден грандиозный Генеральный план реконструкции ВКШ.

В 1976 году создан и «запущен» в работу Научно-исследовательский центр ВКШ.

Учебный процесс был оснащен техническими средствами обучения — лингафонные кабинеты с новейшим оборудованием, видеоаппаратура в аудиториях, кабинет ораторского искусства по последнему слову техники и т. д. За опытом в ВКШ приезжали из лучших вузов Москвы.

Надо знать и помнить: основная база недвижимого имущества (здания и сооружения), которой ныне пользуется Московский гуманитарный университет, **была создана именно в те годы**.

Уникальным был **педагогический состав** ВКШ, который также складывался не стихийно, а **подбирался** «поштучно». В одном относительно небольшом по количеству слушателей учебном заведении в одно и то же время работали известные в СССР историки — доктора наук, профессора — Трущенко, Сулемов, Борисов, Мальков, Трайнин, Зиновьев; философы — доктора наук, профессора — Журавлев и Воскобойников; психологи Лебединский и Ходоровская; Герои Советского Союза, полковники — Мосолов и Наржимский, генерал-лейтенант Лисов и многие другие великолепные педагоги и исследователи.

Все эти люди имели богатое и прекрасное прошлое, были личностями высокодобродетельными, высоконравственными, движущей силой в жизни которых были прежде всего чувство долга и любви к Родине, преданность своему делу, честность, самоотверженность.

Где можно было найти такие кадры для ВКШ? Не только в Москве. Это было ясно. Приходилось искать по всему Советскому Союзу. Понимая это, ЦК партии сделал очень важный шаг — в распоряжение ЦК комсомола было выделено 50 квартир и 50 прописок в Москве.

В то время, чтобы попасть в Москву на постоянное проживание, необходима была еще **прописка** — разрешение на жительство в столице. Получить его было не менее сложно, чем квартиру. А тут — 50 квартир с пропиской! Появилась возможность взять из областей и республик сто́ящих работников.

Виталий Васильевич Журавлев... Я читал его прекрасные статьи в разных журналах. Выяснил, что он работает в Ростовском госуниверситете. Доктор философских наук, профессор. По моему совету Трущенко пригласил его в ВКШ. Это было большое приобретение: талантливый педагог, прекрасный ученый, блестящий знаток отечественной культуры. Высокий, красивый, горделивый. А как говорил! Заслушаешься. Одна из звезд педагогического состава.

А преподаватель физкультуры Леонид Езатович Аргун... Мастер спорта по волейболу, в прошлом член сборной команды СССР, заслуженный тренер СССР. Удивительная душа была у этого человека!.. Он жил своей работой, проводя на стадионе и в спортзале две трети суток. И всё — ради слушателей ВКШ. Чудо, а не человек.

Александр Соломонович Трайнин, которого не без труда удалось перетащить из Ставропольского госуниверситета, на мой взгляд, являл собой образец профессора, по крайней мере, советского периода, когда образование в СССР было лучшим в мире.

Тому, как относиться к Делу, у него можно было бы поучиться очень многим и сегодня. Очень глубоко знал предмет, который преподавал. Мимо него не могла проскочить ни одна халтурная кандидатская и уж тем более докторская диссертация по истории. Он исписывал замечаниями своим подопечным целые школьные тетрадки. Несмотря на это, а точнее сказать, именно за это студенты и аспиранты его любили. Потому что он любил их.

Иван Сергеевич Хорин — первый декан, которого назначили руководителем сразу двух факультетов. Уникальная ситуация! Это был высокопорядочный, умный, образованный человек.

Георгий Константинович Мосолов — знаменитый, великий летчик-испытатель, установивший два мировых рекорда скорости, мировой рекорд высоты. Друг Ю. Гагарина. Однажды во время испытания нового образца реактивного самолета Мосолов потерпел страшное крушение, разбился так, что его жена Галина говорила: «Врачи собирали его по косточкам». Никто не верил, что он останется живым, но он выжил, получил звание Героя Советского Союза, стал президентом Федерации хоккея СССР. Это — кандидатура самого Трущенко.

Трущенко и Мосолов давно дружили семьями. У Трущенко родилась идея создания кафедры военно-патриотического воспитания. Возглавить ее он предложил Мосолову. Тот согласился.

Полковник Георгий Константинович Мосолов и полковник Владимир Александрович Наржимский (тоже летчик, Герой Советского Союза, сбивший во время Великой Отечественной войны 18 немецких самолетов) были любимцами слушателей еще и потому, что многие из них приходили учиться в ВКШ после службы в армии.

Когда кафедру военно-патриотического воспитания преобразовали в военную кафедру, руководить ею стал Иван Иванович Лисов — бывший заместитель командующего Воздушно-десантными войсками СССР, генерал-лейтенант, окончивший специальные курсы Генерального штаба в 1941 году, а потом Академию при Генштабе, мастер парашютного спорта. Участник Великой Отечественной войны, кавалер многих боевых наград. И просто чудесный человек — мягкий, добрый. Студенты его обожали. В ВКШ по его инициативе соорудили парашютную вышку, с которой слушатели прыгали на тренировках. Потом они летали на самолетах, прыгали с настоящими парашютами.

 ${\rm Mx}$ было много — заведующих кафедрами, преподавателей, о которых можно говорить высоким стилем.

Уникальными были учебные планы и программы ВКШ.

Учебные планы по специальным дисциплинам (истории мирового молодежного движения, истории комсомола, комсомольскому строительству и др.) надо было создавать, их не существовало в природе. Это делали преподаватели ВКШ. Они же демонстрировали великолепные образцы работы в аудитории, индивидуальной работы со слушателями.

Когда сегодня кто-то начинает говорить о «прекрасном прошлом», его, как правило, относят к категории «вечно вчерашних», подозревают в идеологической зашоренности.

Лично я не склонен идеализировать советское образование. Но то, что это «неидеальное» образование было **лучшим в мире**, — не советская выдумка, не наше самообольщение.

Первым такие слова в начале 60-х годов прошлого века произнес президент США Джон Кеннеди после того, как в СССР были запущены **первые** спутники Земли, а потом в космос **впервые** в истории взлетел человек — Юрий Алексеевич Гагарин. Именно тогда Кеннеди сказал: «Soviet education — the best in the World. We have to take a lot of it. Soviet Union won the spase rase on the school desk» («Советское образование — лучшее в мире. Мы должны взять многое из этого образования. Советский Союз выиграл космическую гонку за школьной доской»).

Слушатели ВКШ имели уникальную возможность знакомиться с культурой нашей страны, потому что учились в Москве. Экскурсии, поездки по местам боевой и трудовой славы, посещение театров, кино — это само собой.

Кроме этого, ВКШ была местом, куда с большой охотой приезжали самые знаменитые люди страны. Здесь побывали все космонавты, в том числе космонавт № 1 Юрий Алексеевич Гагарин. После полетов в космос космонавтов первым делом приглашали в Центральный комитет комсомола, награждали, чествовали. Вторым местом посещения была Высшая комсомольская школа.

К вопросу о свободомыслии... Можно сказать, что в сложные времена семена свободомыслия сеяли некоторые деятели культуры и искусства — наиболее раскрепощенные, наиболее вольнолюбивые. Поэты Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, писатели Чингиз Айтматов, Константин Симонов, опальная «Таганка» — Юрий Любимов, Владимир Высоцкий выступали в ВКШ. Александра Пахмутова с Николаем Добронравовым были личными друзьями Трущенко. Приезжали иностранцы. Здесь пел Дин Рид.

Так создавалась атмосфера особой духовности, Душа коллектива.

А какие праздники устраивали в ВКШ!

День Победы... На аллее около первого корпуса выстраивалась колонна ветеранов войны и труда — человек триста...

А у Николая Владимировича Трущенко была такая традиция. Он добывал где-то бутылку французского коньяка (в ту пору — редкость!), приглашал к себе в кабинет генералов Лисова и Жало, полковников, Героев Советского Союза Мосолова и Наржимского — грудь у всех в орденах и медалях. В этой компании на правах заместителя директора НИЦ и друга Николая Владимировича оказывался и я. Выпивали за Победу по рюмке коньяка и выходили на аллею, становились во главе колонны преподавателей и сотрудников и шли на стадион. Там на трибунах уже располагались многие сотни работников и слушателей ВКШ, люди из соседних домов.

Гостями ВКШ, как правило, были офицеры и курсанты Рязанского десантного училища Военно-воздушных сил. Они устраивали на поле стадиона потрясающие показательные выступления.

Потом все шли в актовый зал на праздничный концерт...

А как любили, как знали студенты тех лет поэзию! Как любили они поэтов!.. ВКШ окончили около 25 тысяч человек. Школы нет уже почти 30 лет, но образ ВКШ еще жив в памяти людей старшего и среднего поколений не только в России, но и в 110 странах мира, представители которых учились в ВКШ.

Немало выпускников ВКШ еще работают в МосГУ на различных руководящих должностях. Доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, четверо — заслуженные деятели наук, двое — заслуженные деятели культуры, десятки — действительные члены различных академий наук. Сознательно не называю имена — всех не перечислишь, а упустишь кого-то — обидишь.

Дело, однако, не только в должностях, научных званиях и наградах. Главное в том, **какие это люди**. В абсолютном большинстве — прекрасные.

4. Ректор знал себе цену

Это заголовок статьи первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. М. Мишина в сборнике «Ректор из поколения Победы» ^{1} .

В плане **политической свободы** некоторые сюжеты прошлых времен я вспоминаю с горечью. В ЦК партии и ЦК комсомола порой встречались люди, ни за что конкретно не отвечавшие, но пытавшиеся всерьез влиять на вэкашовские дела. Задача «кураторов» ВКШ от ЦК комсомола (знаю это по личному опыту) состояла в том, чтобы проводить в жизнь решения ЦК и тем самым управлять ВКШ. Но если говорить точнее — **управлять ректором**.

По Уставу ВКШ ректор был **единоначальником**, и никакое решение ЦК, а тем более устное указание его работников не могло реализоваться, пока Трущенко не издавал соответствующий приказ.

Проблема Трущенко для ЦК комсомола заключалась как раз в том, что он был **трудно управляемым**. Со стороны это часто выглядело как его упертость, настырность и своеволие. Ибо кое-что из «ценных указаний» ЦК он молча игнорировал, и они не осуществлялись вообще или кое-что выполнялось не в полной мере, не так, как предписывалось. Это вызывало естественное раздражение «верхов».

Через несколько лет стали муссироваться слухи о его снятии с работы.

Напряженная работа, слухи, сплетни, внутренние распри, о которых расскажу далее, стоили Трущенко **двух инфарктов** и устойчивой, **неизлечимой болезни** сердца, от которой он впоследствии и умер.

Был ли Трущенко «упертым», по-ослиному упрямым? В чем крылась природа его своеволия? Почему он периодически «выпрягался» из узды? Имел скверный характер? Да нет же! Хотя идеальным его тоже не назовешь.

Трущенко был руководителем **с собственным твердым мнением**. **Здравомыслящим, реалистичным, волевым человеком**. Для него Дело было на первом месте. Поэтому мы с ним легко сходились. Это и моя позиция: Дело — прежде всего. На основе Дела строятся отношения. Хорошо в Делах — хорошо в отношениях. И наоборот.

Характер Трущенко был, как говорится, «нордический». В нужный момент, в сложнейших ситуациях на моих глазах он никогда не терял самообладания, а только бледнел, становился показно спокойным, мог даже пошутить, и — ни один мускул на лице не дрогнет. Это потом, во время разборки «полетов» давал волю чувствам и словам. Я это видел и переживал вместе с ним много раз. Мы были предельно откровенными друг с другом.

Трущенко был **не только умен, но и хитер**. Умел просчитывать ситуацию с учетом психологии личностей, поведение или поступки которых надо было спрогнозировать. Так почему же он упрямился, перечил, ссорился и был неудобным?

¹ Ректор из поколения Победы. С. 243.

Прежде всего потому, что был старше по возрасту и опытней абсолютного большинства тех, кто «управлял» им. В большинстве случаев — умнее. Не говоря уж о его служебном статусе, который был не менее значителен, чем должность секретаря ЦК комсомола. Многое в обращении некоторых работников ЦК с Трущенко обижало его, он злился и в результате срывался: дерзил, иногда грубил и на словах, и своим поведением. Власть исподволь незаметно лишает любого человека его прирожденных добродетелей. Трущенко не был исключением...

Но его терпели, потому что видели и понимали: управлять таким сложным коллективом, как ВКШ, может далеко не каждый. Я слышал от Е. М. Тяжельникова, Б. Н. Пастухова, работников ВКШ: «Назначение Трущенко на должность ректора ВКШ — счастливый случай!»

Трущенко был тверд и последователен в своем мировоззрении, своих убеждениях. Он был дитя своего сложного, противоречивого времени — порой даже слишком осторожен, скрытен. Причины осторожничать, а кое-что таить существовали объективно: он был ректором, первым лицом, знавшим много такого, о чем иногда нельзя делиться ни с кем. В отношениях с людьми бывал иногда слишком жестким. Случалось, был не прав. Но и тут, однако, все зависит от того, с кем, о чем и как говорить. Часто люди, с которыми он схватывался, стоили того...

5. «Сладкая каторга»: счастливые и ненастные дни и годы

Стремление к власти присуще далеко не всем людям. В самом деле, существует много профессий, позволяющих обеспечить материальное благополучие, спокойную жизнь без каждодневных встрясок, необходимости думать о других, нести ответственность... Немало и людей, сознающих ограниченность своих знаний и способностей для управления подчиненными. Еще древние греки говорили: «Нужно быть сумасшедшим, чтоб домогаться власти».

В советские времена откровенное властолюбие порицалось, таких людей обзывали «карьеристами».

На фронте командиров **назначали**, и это значило прежде всего — первым вставать из окопа, поднимать бойцов в атаку и первым получить вражескую пулю... В мирные годы власть **доверяли**, начиная с малых должностей, и только потом, если справился с первой, выдвигали на новую ступень.

Трущенко, как уже сказано, занимал разные должности на фронте, на комсомольской и партийной работе, в образовании. К 46 годам своей жизни уже вкусил власти, знал ее сладость и горечь. Доверие стать ректором ВКШ принял с удовольствием и пониманием того, что впереди его ждет, как он сам потом говорил, «сладкая каторга».

Что же такого «сладкого» принесла «Н. В.» власть ректора ВКШ?

Сладко было понимать, что именно тебя, Трущенко, выбрали на этот серьезный пост из числа других именитых коллег. Это придавало силы и уверенности в себе, создавало положение, когда ты общался на равных с ректорами других московских вузов, руководителями комсомола и зарубежных союзов молодежи. Ты становился фигурой, с которой надо считаться.

Льстила самолюбию заманчивая возможность приказывать, решать, приводить в исполнение свою волю, поощрять, награждать... карать и миловать, понимая, что теперь в твоем подчинении находятся знаменитые профессора и ученые, бывшие полковники и генералы.

Ну, и конечно, некоторые существенные блага... Месячный оклад в 600 рублей, равный окладу министра СССР. Трехкомнатная квартира на Воробьевском шоссе. Круглосуточный служебный автомобиль «Волга» с водителем. Избрание в состав ЦК ВЛКСМ, четырежды — депутатом Моссовета.

В апреле 1981 года награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В январе 1984 года Верховный Совет РСФСР присвоил ему почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

И множество разного рода житейских мелочей, возвышающих человеческое достоинство.

«Н. В.» пил сладкий напиток власти, не пьянея, к идее власти относился серьезно, старался обращаться с нею осторожно. Старался...

Но власть — это тяжкое бремя для тех, кто относится к ней честно и ответственно. Ты никогда не свободен от нее — ни днем, ни ночью, даже во сне. В любой творческой организации всегда находятся люди честолюбивые и завистливые, склонные к интригам. Они и организуют «каторгу» для своего руководителя.

В какой-то умной книге я однажды встретил и навсегда запомнил изречение: «Всякая власть есть непрерывный заговор».

Не просто, ой как не просто знаменитый провинциал с самого начала приживался в Москве. С первых же дней внутри ВКШ нашлись завистники, которые отнеслись к Трущенко как к «варягу».

Вот В. А. Ентяков, декан факультета общественных наук — так назывался факультет, где обучались лидеры зарубежных молодежных организаций. Я знал Ентякова. Это был умный, образованный человек, но с гонорком. В обильно цитируемом мною сборнике «Ректор из поколения Победы» В. Ентяков пишет: «Ректор был для нас "чужак" и "новичок"... Отношения с ним граничили с обоюдной неприязнью... И она сохранялась довольно долго» 1. Но далее в этой статье свою первичную «неприязнь» к Н. В. Трущенко он объясняет честно: «Мы возомнили себя не просто специалистами, а подчас носителями истины в последней инстанции» 2.

Таких, как В. Ентяков, наверное, было немного, однако они портили ректору настроение и атмосферу в коллективе. Но не они делали «погоду».

¹ Ректор из поколения Победы. С. 145–146.

² Там же.

Вот сорокалетний **Юрий Васильевич Дербинов, проректор ВКШ по учебной работе, т. е. первый заместитель «Н. В.»**. Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Московского педагогического института. В. А. Сулемов отрекомендовал мне его как своего давнего друга, высококультурного человека. После встреч и бесед с Дербиновым я представил его Б. Н. Пастухову как кандидата на должность проректора ВКШ. И он стал им.

Прошло не так уж много времени, и Дербинов показал себя как самодовольный и высокомерный барин. Внешне и по анкете — все в порядке, а с душой — пойди разберись!..

Однажды, когда разговор между Трущенко и Дербиновым шел на повышенных тонах, тот бросил в лицо «Н. В.» оскорбительную фразу: «Тоже мне — нижегородский мещанин во дворянстве». И начал перечить ректору, как мог. Как говорится, не сошлись характерами. Дербинов стал искать другое пристанище, чему «Н. В.» не мешал. Расстались...

В том же сборнике «Ректор из поколения Победы» В. А. Сулемов пишет: «Со временем, когда "крепчал голос", укреплялись административно-властные позиции Николая, у него росло чувство самовозвеличивания... На мой взгляд, Николай Владимирович не выдержал "испытания на власть", вовремя не заметил того, что созданный им вуз успешно катился по наклонному пути, увеличивая скорость» 1.

А ведь лжет Владимир Александрович. Знает, что лжет, но лжет. Сулемов, мечтавший о ректорстве, злился на Трущенко за то, что тот не назначает его даже проректором. Позлился, поерничал и перешел в АОН при ЦК КПСС на должность профессора.

А дело было вовсе не в Трущенко...

...Грубую ошибку совершает тот, кто пытается рассуждать о человеке и его действиях вне времени и окружающей его обстановки. Изменяется обстановка, и неизбежно в той или иной, хоть в самой малой мере изменяется что-то в ценностном мире, характере и поведении человека. Это закон...

Можно сказать, что «личность — это неизменное в изменениях». В главном и основном — это так. Но Истина эта не абсолютна. **Постоянны только изменения**.

Разве могла оставаться абсолютно неизменной личность Трущенко, если в советском обществе, в партии и в комсомоле уже в конце 70-х и начале 80-х годов происходили трансформации, незаметные и непонятные только тем, кто был не способен понимать? Дело тут не в календарном счете проносившихся лет, а в их сущности.

А сущность тех времен заключалась в том, что это были годы холодной войны, которую наша страна шаг за шагом проигрывала Западу уже потому, что руководство партии и органы безопасности воспринимали ее как пропагандистскую акцию. И крупно ошибались...

¹ Ректор из поколения Победы. С. 141.

Во всяком случае, в 2007 году, когда мы беседовали на эту тему с начальником 5-го управления КГБ, ответственным за холодную войну со стороны СССР, генералом армии Φ . Д. Бобковым¹, он сказал именно так: «**Мы думали, что** в основном холодная война — это пропагандистская дуэль». Был ли он искренен? Не знаю.

Теперь из совсекретных документов Совета национальной безопасности США известно, что термин «холодная война» для наших противников не был игрой слов. В совсекретном документе NSC 68 от 14 апреля 1950 года говорится: «Успех предлагаемой программы (вырвать у СССР инициативу в мировой политике, отказаться от проводимого им курса. - И. И.) полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что **холодная война** — **это на** самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира»².

Основным направлением холодной войны было морально-психологическое воздействие с помощью СМИ и других средств на население СССР, но прежде всего на подрастающее и молодое поколения. В том числе на комсомол.

Спекулируя на изъянах социальной политики, раздувая националистические настроения, наши противники сеяли в умах и душах молодежи сомнения в жизненной силе социализма, эгоизм, цинизм, корыстолюбие, тем самым раскалывая советское общество, возбуждая в нем антисоциалистические настроения.

За долгие годы холодной войны наши противники сумели взболтнуть болотный слой общества, который существует в любой стране мира. Эту оглупленную массу тут же возглавила часть диссидентствующих ин**теллектуалов**. Так постепенно внутри СССР формировалась своего рода «пятая колонна»; так начинал медленно тлеть бикфордов шнир трансформаций советского общества под безобидными и даже поначалу привлекательными названиями: «гласность», «ускорение», «новое мышление», «совершенствование социализма», «больше социализма», «перестройка»... И вдруг заявление Горбачева на Пленуме ЦК КПСС: «Перестройка — это революция в революции». То есть антисоциалистическая контрреволюция, которую возглавила «верхушка» КПСС и государства.

За несколько лет общество поставили на дыбы, разбудив во многих людях нелучшие инстинкты и настроения.

Я ударился в эти общие рассуждения для того, чтобы сказать: в этой ситуации изменялась (не могла не измениться!) и Высшая комсомольская школа. В ней и прежде существовало свое «болотце», состоявшее примерно из десятка имен. Некоторые я мог бы назвать, да много чести для них...

¹ Ильинский И. М. Мир — это война. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. ² Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945— 1950 гг.: пер. с англ. / сост. и автор вступит. ст. И. М. Ильинский. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. С. 451.

Возомнив себя морем, «болотце» стало бушевать. Рядом с чистым и светлым Духом, по-прежнему царившим в ВКШ, появились совсем иные, дурные запахи, портившие общую атмосферу.

Начиная с 1983—1984 годов и далее, мне кажется, **стало ухудшаться так**же качество первокурсников ВКШ, что не так уж и удивительно.

Достаточно прочитать кандидатскую диссертацию бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко «Комсомол в период реформации советского общества (1985—1991 гг.)».

Эту диссертацию Мироненко защитил в 2000 году, но она дает полное представление о том, что же происходило с комсомолом в 80-е годы, особенно после того, как в июле 1986 года В. И. Мироненко стал «первым» и работал в этом качестве до 18 апреля 1990 года.

Как директор Научно-исследовательского центра, я нередко общался с ним в начальный период его руководства комсомолом и некоторое время не мог понять, что это за личность. Но вскоре стало ясно: помощник Горбачева по «перестройке» комсомола. Горбачев уничтожал СССР и социализм, Мироненко сводил на нет «мобилизационную модель комсомола», а проще сказать — единую массовую коммунистическую организацию молодежи, работавшую на благо общества все годы своего существования; боролся за организационный плюрализм в молодежной среде — за создание множества разного рода неформальных молодежных организаций по интересам...

…Было время, когда в ВКШ трудился Юрий Николаевич Афанасьев, ставший в конце 80-х годов знаменитым «перестройщиком», одним из руководителей Межрегиональной депутатской группы в одном ряду с Б. Н. Ельциным, Г. Х. Поповым и иже с ними.

До этого Афанасьев работал в аппарате ЦК ВЛКСМ, три года учился в Академии общественных наук при ЦК КПСС (1968–1971). В 1970 году проходил научную стажировку в Сорбонне (Франция). Защитил кандидатскую диссертацию и в сентябре 1971 года был избран секретарем парткома ВКШ. В августе 1972 года назначен проректором по учебной и воспитательной работе ВКШ. Снова съездил на научную стажировку во Францию летом 1976 года, вернулся в ВКШ, до 24 февраля 1983 года работал на той же должности. В общем «отдавал свои силы» ВКШ целых девять лет.

И все эти годы Афанасьев, мягко говоря, не любил Трущенко. Сблизился с нелюбителями Трущенко в ВКШ и вышестоящих организациях, защищавших его перед Трущенко, если в том была нужда.

Видный внешне, умный, с бархатистым голосом, Афанасьев в разговоре мог очаровать любого, не говоря уж о женщинах. В этой личности присутствовал один очевидный изъян: сибаритство. Афанасьев любил красиво жить, но не любил утруждать себя делами. Дошло до того, что мог приходить на работу на час-два с опозданием, «задерживаться» на заседания ректората, Ученого совета. Что уж говорить о текущих делах...

Трущенко информировал об этом работников аппарата ЦК, призывал Афанасьева к порядку, но тот умел выкручиваться из любой ситуации.

На завершающей стадии их конфликта я еще был заместителем директора $\mathrm{H}\mathrm{H}\mathrm{H}^{1}$, находился несколько в стороне от стычек двух главных руководителей ВКШ.

Осенью 1982 года я был вызван в Московский горком партии, где сообщили, что намерены рекомендовать меня для избрания секретарем парткома ВКШ на приближавшейся партийной конференции. Думаю, это было делом рук Трущенко. Вскоре я занял эту должность.

Тут и начались главные события...

Однажды Борис Александрович Ручкин, заведующий сектором отдела Научно-исследовательского центра ВКШ, живший рядом с ВКШ, пригласил меня пообедать у него дома.

Пообедали. Возвращаемся на работу. И тут Ручкин говорит:

- Слушай, что ты так привязался к Трущенко? Давай дружить с нами.
- С кем это «с нами»?
- Да нас немало. Афанасьев, Томашкевич, Криворученко, Кулиш из ЦК. Да вон, оглянись, мужик идет за нами... Подполковник КГБ, приписанный к ВКШ, тоже «наш»...

Спрашиваю:

- А зачем мне «дружить» с вами? Смысл?
- Да Трущенко всем надоел. Сколько лет, а всё одно и то же...
- Ну, а вы... что-то новое придумали?
- Да нет. Порулить хочется. Вон Афанасьев... Пора ему ректором быть.

Я рассмеялся:

— Борис, ты хоть понимаешь, что я секретарь парткома ВКШ? Что в НИЦ я работаю по совместительству зав. отделом, а ты в этом отделе заведуешь сектором? Афанасьев и все вы играете с огнем...

На следующий день ко мне в кабинет зашел Афанасьев. Стали пить чай.

- Слушай, начал он, Ручкин рассказал мне о вашем разговоре. И что ж мне делать?
- Это твой выбор, Юрий Николаевич. Или работать, или... Вы грязное дело затеяли. «Порулить хочется...» Не получится.
- И что ты будешь делать со мной? С работы снимешь? Из партии исключишь?
- Ты же проректор ВКШ по учебной и воспитательной работе, а на работу порой к обеду являешься. Трущенко вынужден пока проглатывать твои «фортели». Я еще не успел разобраться с этой проблемой...

¹ Следует сказать, что в 1969 году, выполнив свою долю работы по «запуску» ВКШ, я продолжал трудиться в ЦК, мы встречались с Трущенко по делам и как друзья. Потом меня назначили главным редактором журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь», где я работал до сентября 1975 года, а затем три года обучался очно в Дипломатической академии МИД СССР. После ее окончания перешел в ВКШ заведовать одним из отделов, а вскоре был назначен заместителем директора НИЦ ВКШ.

- Ну так что исключишь?
- Если не будешь работать как положено проректору, может, так и произойдет.
- Понял. Буду уходить.

Вскоре Афанасьев стал заведовать сектором в Институте всеобщей истории Академии наук СССР, оттуда перешел в журнал «Коммунист», а через два-три года стал всесоюзной знаменитостью, призывал уничтожить СССР¹...

Рассказываю об этой ситуации, чтобы показать, как больно били порой по самолюбию Николая Владимировича отдельные крайне амбициозные личности. Не только Афанасьев, считавший Трущенко «замшелым провинциалом», который занял «не свое» столь высокое место, но и зав. кафедрой ВКШ В. А. Сулемов, проректор Ю. В. Дербинов, проректор Ю. Е. Волков... К ним можно было бы причислить еще три-четыре менее значительные персоны... Некоторые из них, как говорится, потом «погорели» вследствие крайних амбиций и собственной дурости, других Трущенко удалось убрать из своего окружения с благословения ЦК.

Несмотря ни на что, ума, энергии и воли Николая Владимировича хватало на все: и на борьбу с «оппозиционерами», и на руководство кафедрой истории, преподавательскую работу, подготовку книг и статей, организацию строительства новых учебных корпусов, общежитий, хозяйственной зоны, домов для работников ВКШ.

При всех недостатках в характере Н. В. Трущенко (они были, я знал о них) «Н. В.» как личность стоял выше всех самых выдающихся подчиненных, о которых уже говорилось. Для меня это факт несомненный. Недруги Трущенко недооценивали его дар видеть людей насквозь...

Но с наступлением «перестройки» обстановка вокруг Трущенко накалилась до предела: интриганы, «демократы» «обстреливали» его лживыми анонимками, зная, что они больно ранят «Н. В.». Для проверки изложенных в них «фактов» в ВКШ, как правило, выезжали специальные комиссии.

Несколько лет Афанасьев руководил этим университетом, а потом передал свою должность, думается, не безвозмездно, заместителю олигарха Ходорковского Л. Б. Невзлину, а сам перешел на должность президента РГГУ.

Ходорковского вскоре арестовали. Теперь известно, что Невзлин отвечал в «Юкосе» за все грязные дела, схему вывода государственных средств в офшоры, за убийства неугодных акционеров и бизнесменов; сбежал в Израиль, находится в розыске; за все свои преступления заочно приговорен российским судом к пожизненному заключению...

¹ Стоит сказать, что дальнейшая история жизни Афанасьева была довольно странной: на пике своей «знаменитости» в условиях «победившей перестройки» он вдруг решил уйти из политики. Уговорил Г. Х. Попова, ставшего председателем антисоветского Моссовета, отдать ему здания бывшей Академии общественных наук и Историко-архивного института, на их базе создал Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и стал его ректором.

^{...}Однажды мы встретились с Афанасьевым (он был еще ректором) на одной из программ Центрального телевидения (как эксперты) в передаче о вузовской жизни. Каждому из нас задали по нескольку одинаковых вопросов. Мне запомнился один: «Как вы относитесь к употреблению студентами наркотиков? С этим надо бороться, запрещать? Или...». Я сказал: «Запрещать всеми мерами». Афанасьев ответил по-другому: «Это выбор каждого человека. Думаю, этим людям надо раздавать чистые шприцы»...

Относительно спокойным в жизни ВКШ и лично Н. В. Трущенко был период, когда около двух лет (1982–1984) я работал секретарем парткома ВКШ. В это время в Конституции СССР действовала **статья 6**, согласно которой партийные органы имели право контроля деятельности администрации всех типов предприятий и организаций, включая образовательные.

Трущенко использовал это право своеобразно: каждое утро он заходил ко мне в кабинет, мы пили чай, обсуждали различные вопросы жизни ВКШ, в том числе скандальные или только назревающие конфликты. Тут же предпринимали упреждающие их меры...

Однако с того момента, когда 21 сентября 1984 года меня назначили директором Научно-исследовательского центра **при** ВКШ — юридическое лицо со своим уставом, своим бюджетом, печатью и полным самоуправлением, — наши отношения с Н. В. Трущенко **резко ухудшились**. Почему? Скажу об этом ниже...

На освободившееся место секретаря парткома я рекомендовал райкому партии избрать заведующего сектором подготовки и переподготовки кадров ЦК комсомола Вячеслава Николаевича Бобкова, который курировал ВКШ, хорошо знал многих работников и общее положение дел в школе.

Наши отношения с Бобковым были товарищескими, между Трущенко и Бобковым — натянутыми. Признаться, я не придавал этому особого значения, полагая, что общее дело быстро приведет к их нормализации.

Но — нашла коса на камень. Трущенко не собирался уступать «мальчишке», а тридцатилетний «мальчишка», пользуясь статьей 6 Конституции, начал **и на самом деле контролировать деятельность** администрации ВКШ, и прежде всего ректора.

Вскоре дело дошло до вражды. На Трущенко, а заодно на меня и Бобкова пришло несколько анонимок в оба ЦК — партии и комсомола.

Как стало потом известно, в ЦК партии решили: «Довольно! Следует провести окончательную проверку и ставить точку!»

Впервые комиссию по проверке «фактов» возглавил заместитель заведующего Отделом партийных органов ЦК КПСС. Имя-отчество его вылетело у меня из головы, но фамилию запомнил — Кабасин. С ним прибыли три инструктора ЦК партии.

Пока комиссия работала в ВКШ, со мной никто из проверяющих не беседовал. Я мучился вопросом: в чем дело?

Но вот комиссия уехала.

Итоги ее работы в ВКШ были весьма трагичными. Трущенко в очередной раз слег в больницу. В. Бобкову пришлось покинуть должность секретаря парткома.

Я же продолжал жить в крайнем смятении души, не понимая, что происходит: со мной даже не поговорили... Каким же будет финал? Дней через 10, раздобыв номер служебного телефона Кабасина, позвонил ему: «С Трущенко и Бобковым все ясно. А что со мной?» — «А ничего — работайте», — сказал Кабасин.

Между двумя этими фразами были и другие мои вопросы и ответы Кабасина. Я был потрясен: со мной разговаривал какой-то другой человек — разумный и совсем не злой.

Но что же в конце концов стало с Н. В. Трущенко? Он лежал в больнице на Волынском шоссе, и можно было подумать, что его оставили на работе.

Но все было не так, а как — доподлинно никто не знает.

Как говорит сам «Н. В.» в письме ко мне, которое я приведу в конце очерка, он по собственной воле пошел к первому секретарю ЦК комсомола В. М. Мишину и сообщил, что уходит из ВКШ по собственному желанию на должность профессора кафедры истории АОН при ЦК КПСС.

Именно так представил Николай Владимирович разрешение скандальной ситуации и на прощальной встрече с преподавателями и сотрудниками ВКШ.

Говорил Николай Владимирович недолго. Это была речь человека надломленного, но не сломленного, не поверженного и не сдавшегося. Это была речь человека гордого, это была речь Победителя.

Уже сказав, казалось, все, что хотел, Трущенко взял паузу и, глядя поверх голов собравшихся, куда-то в только ему ведомое пространство, медленно и весомо молвил последнюю фразу: **«Вы еще много раз вспомните обо мне»**.

После этой прощальной встречи минут через десять я зашел к «Н. В.» в его кабинет. Он сидел за рабочим столом и рылся в бумагах.

Я сказал: «Николай Владимирович, давайте поговорим... как прежде...» Опустив голову и не глядя на меня, Трущенко долго молчал. Потом, подняв свои печальные глаза, спросил: «О чем говорить-то?.. Все кончено». И опять опустил глаза в стол, замолчал.

Так мы сидели несколько минут. Что мог сказать я что-то особенное человеку, прошедшему на фронте и в мирные годы все круги ада человеческой жизни, чтобы утешить его? Я тоже молчал. Потом попрощался и ушел, расставшись с ним на целых восемь лет.

6. Ссора близких друзей

Разговоры о моем назначении директором НИЦ шли давно. Но дело стопорилось из-за того, что у меня не было докторской степени. И хотя еще в 1982 году я защитился в Академии общественных наук, диссертацию не утверждала ВАК (Высшая аттестационная комиссия). Причина банальная: анонимки. ВАК выжидала затишья.

И вдруг анонимщики открыли лицо: это были тогдашние директор НИЦ Ю. Е. Волков и проректор ВКШ по научной работе А. В. Мялкин. Оба побаивались, что, став доктором наук, я могу занять место одного из них — директора НИЦ или проректора ВКШ. Решили идти ва-банк: направили в ВАК открытое письмо с развернутой аргументацией причин, согласно которым, по их мнению, я не могу быть доктором наук.

Разбирательство так затянулось, что руководство ВАК, дабы избежать новых кляуз, предложило мне пройти повторную защиту в том же диссертационном совете.

Главное обвинение Волкова и Мялкина заключалось в том, что я часто публикую статьи в журналах и газетах. «Как это возможно при тех должностях, которые он занимает? — спрашивали они. — Значит, кто-то пишет ему эти статьи». К тому же в докторской диссертации «мало марксизма-ленинизма». И еще кое-что в таком же духе.

Чушь!.. Но выхода не было. И я согласился на повторную защиту, проходившую в присутствии Волкова и Мялкина. Она завершилась моей «сокрушительной победой»: как и в первом случае, с тем же результатом при тайном голосовании: 19 — «за», 1 — «против».

«Н. В.» тут же внес в ЦК предложение о моем назначении директором НИЦ.

Между тем я уже давно сказал работникам ЦК, что если вопрос этот перейдет в стадию решения, то я поставлю условие: Центру следует предоставить статус юридического лица, т. е. он должен иметь свой устав, свой бюджет, все права в управлении текущей деятельностью, в частности в назначении кадров и т. д. Они соглашались со мной и не отказались от своих слов.

Как только это стало известно «Н. В.», он взъярился: «Зачем это делать? Да еще без согласования со мной?! Я такой проект решения ЦК визировать не буду. Посмотрим, кто кого!» Но вопрос все-таки был решен в мою пользу.

НИЦ стал функционировать как относительно самостоятельная организация (НИИ первой категории) **при** ВКШ. Ректор ВКШ утратил полномочия непосредственного руководства единственным научным подразделением. Это и взбесило Трущенко. Я не желал уступать обретенную свободу, он не смог воспринять уже свершившееся как должное. Попытки найти общий язык оказались безрезультатными. Казалось, мы вскоре все же преодолеем разрыв, но он затянулся почти на целых восемь лет.

Хочу сказать, что в нашем противостоянии и долгой размолвке с Николаем Владимировичем правым оказался все-таки не он, а я. Принося в жертву наши дружеские отношения, я менее всего руководствовался личными амбициями. Прежде всего мною властвовали интересы Дела...

Созданный в 1976 году Научно-исследовательский центр не имел общего помещения, его сектора были разбросаны по разным зданиям ВКШ. Научный потенциал НИЦ был слабым: из 40 сотрудников почти четверть составлял вспомогательный персонал, среди исследователей всего несколько человек имели степень кандидата наук и ни один — докторской.

Ко всему сказанному, только что назначенный директор НИЦ в 1977 году был снят с работы...

Придя в НИЦ «для начала», как говорили мне Е. М. Тяжельников и Н. В. Трущенко, на должность заведующего отделом (по-другому и быть не могло: я только вступал на профессиональную научную стезю), вскоре я был избран секретарем партийной организации НИЦ, а затем Бюро ЦК ВЛКСМ назначило меня заместителем не существующего директора НИЦ. Будучи фактическим руководителем Центра, я видел все несуразности его жизни и сделал кое-что для изменения ситуации. Но мои полномочия были ограничены.

Тогда я нашел, как говорится, «топор под лавкой»: уговорил «Н. В.», а потом и Б. Н. Пастухова утвердить директором НИЦ Ю. Е. Волкова, бывшего проректора ВКШ, которого в 1968 году я «вытащил» в ВКШ из Свердловска. Трущенко с треском выгнал Волкова, мягко говоря, за пристрастие устраивать свой домашний быт за казенный счет. Но Волков имел докторскую степень, профессорское звание и некоторую известность в кругах советской социологии. Уговорил обоих!.. Волкова назначили директором НИЦ.

Но я крупно ошибся во второй раз. Через пару лет, уже как секретарю парткома ВКШ, мне пришлось разбираться в новых прегрешениях Волкова, а Трущенко и ЦK — опять снимать его с работы.

Этот очерк— не место для рассказа о том, как НИЦ поднимался в разряд научной организации, широко известной в СССР, а потом и в мире.

Несколько фактов в пользу этого тезиса.

26 апреля 1975 года в СССР был создан Общественный совет по координации научных исследований проблем молодежи при ЦК ВЛКСМ и Академии педагогических наук СССР, головным учреждением которого стал НИЦ, а его директор — главным ученым секретарем этого Совета. В течение 10 лет я исполнял эти обязанности. Через несколько лет соучредителями Совета стали также Академия наук СССР, Министерство высшего образования СССР. В составе Совета было 15 секций, изучающих молодежные проблемы, объединявших более 500 лучших исследователей.

29 октября 1986 года на научной сессии НИЦ, посвященной его 10-летию, я выступил с докладом, в котором обосновал политическую необходимость реализации в СССР государственной молодежной политики, ее теоретические и правовые основы, а также меры претворения этой идеи в реальность. С этого момента деятельность всех отделов и секторов НИЦ получила интегральное направление. Мы обнажили многие проблемы в жизни советской молодежи (прежде всего социальные), через СМИ выставили их на показ всему обществу, компартии и комсомолу.

Четыре с половиной года НИЦ вел с обоими ЦК острую (и опасную по тем временам) дискуссию и в конце концов одержал победу. Хоть и не в совершенном, а урезанном виде, 16 сентября 1991 года Верховный Совет СССР принял Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР».

Именно эти годы и принесли НИЦ всесоюзную и мировую известность. Количество сотрудников возросло в пять раз (до 220 человек).

На очередной ассамблее Всемирной социологической ассоциации, проходившей в 1984 году в Мадриде (Испания), я был избран вице-президентом Комитета-34 «Социология молодежи». Именно в эти годы ученые Восточной, Западной и Северной Европы, США, Великобритании, Японии и других стран приезжали в НИЦ на конференции и просто для того, чтобы позаимствовать наши идеи и наработки.

Уже под занавес существования НИЦ, когда «самораспустился» комсомол и в результате антисоциалистической революции по всем швам трещал Советский Союз, в сентябре 1991 года из Венского центра ООН мне, как директору НИЦ, поступило предложение подготовить Доклад для Генерального секретаря ООН «Глобальное положение молодежи мира: тенденции и перспективы до 2000 года». И под моим научным руководством и при авторском участии вместе с группой еще работавших в НИЦ и сторонних ученых такой доклад был подготовлен и опубликован в 1993 году под названием «The Global Situation of youth in the 1990s: Trends and Prospects» (United Nation, New York, 1993).

Достойный финал!..

...Настоящая дружба выше размолвок. **Я первым протянул руку Н. В. Трущенко**, когда в феврале 1994 года был назначен ректором Института молодежи.

Свою задачу я видел в том, чтобы вернуть этому прекрасному человеку, ветерану войны и труда, хоть часть того долга, в котором оказались перед ним все: страна, ВКШ, Институт молодежи и я лично. Я знал, что его надо поддержать и материально.

О главном я узнал, приехав в конце февраля 1994 года к тяжелобольному Николаю Владимировичу в больницу.

Он плакал — так тяжело переживал свое отлучение от любимого детища — ВКШ. Да и наш разрыв тоже. Уже на этой встрече я предложил ему работу профессора в институте.

«Ну, какой я преподаватель? Еле на ногах держусь», — сказал он. Тогда я назначил его советником ректора. Иногда приезжал к нему домой, но в основном советовались по телефону.

7. Исповедь Победителя

Как уже сказано, свою работу в ВКШ «Н. В.» называл «сладкой каторгой». Эти слова присутствуют и в публикуемом ниже исповедальном письме Н. В. Трущенко, адресованном мне в июне 1995 года.

Читателю предлагается это письмо с моими краткими пояснениями, комментариями в сносках и некоторыми важными сюжетами, которые Н. В. Трущенко почему-то опустил.

Дорогой Игорь Михайлович!

Сердечно поздравляю тебя с Днем рождения и искренне желаю исполнения самых сокровенных надежд, знаменательных творений; сохранения твердости

капитана корабля, волнующегося по морю житейскому, и любви Светланы — основы твоего спокойствия духа и семейного благополучия, хранительницы алтаря и очага.

Я же, сев за эти строки, прокручивая все дни и годы моего московского бытия, установил, что проходили почти все они рядом с тобой, Игорь Михайлович, и твоей семьей.

Вспоминаю, как в 69-м, приняв предложение Е. М. и Б. Н. (Е. М. Тяжельникова и Б. Н. Пастухова. - $\mathit{И}$.), несколько недель сидел взаперти инкогнито в кабинете Яниной (Янина Н. В. - зав. сектором учета кадров ЦК ВЛКСМ. — И. I.), изучал производство ЦКШ, а легализовавшись, все остальные дни разрабатывал документы новой школы — бок о бок с тобой. Это было началом нашего совместного пути, его этапов. Для тебя это был эпизод. Для меня — четверть века жизни. Вот что означает пусть и небольшая, но разница в возрасте... Ведь я пошел на существенную ломку своего жизненного уклада, разрыв с родным городом в 45 лет и трудным привыканием к тяжелой столичной жизни, взглядам москвичей, косившихся на приезжих варягов, занимавших «их» высокие должности, «их» благоустроенные квартиры. И не будь рядом «новосибирца», трудно сказать, сколько раз и с какой мерой успеха поднимал бы на четвертый этаж (на этом этаже находились кабинеты первого и второго секретарей ЦК комсомола. — H. M.) проекты предложений о создании необыкновенного вуза. Сколько в них было неординарных предложений, рожденных совместно с тобой. Помню, Ф. Д. Рыженко из Ленинской школы наставлял меня: «Не роди еще одного (ко многим московским) вуза! Пока разрешают, действуй смело и решительно — твори оригинально!» И мы, Игорь, кое-что в тех предложениях и сотворили, не ведая, что существует непререкаемое слово «старших товарищей» со Старой площади. Двух узлов сопротивления нам не суждено было одолеть.

И школу мы открыли!

И были весь тот благоденственный день вместе от начала до конца.

Б. Н. в редкие минуты умиротворенного разговора спросил меня: «Что, Н. В., разве школа (кроме фронта) не является для вас самым крупным жизненным делом?» Это был скорее не вопрос, а — предсказание! Он недолюбливал меня, видимо ревнуя к Е. М. Но работать мне с ним, да еще когда он стал «первым», было легко: все было конкретно, четко, и никаких иллюзий. Что еще мне было надо? Школу я любил, терпел из-за нее многое, называя свою работу «сладкой каторгой»...

А воспоминания приводят все к новым и новым коллизиям нашей совместной работы. Помнишь наши баталии вокруг случая Боровика и Катульского? Я три секретариата поднимался, доказывая, что содержание записи в трудовых книжках должно соответствовать формулировке статьи из Кодекса законов о

труде, а от меня требовали каждый раз дублировать в ней строки из комсомольского постановления. Ты несколько раз был у Б. Н., доказывая абсурдность ситуации в целом ^{1} .

По-настоящему мы нашли друг друга в Быкове (дачный поселок для работников ЦК ВЛКСМ. — U. U.) и тогда, когда с нами был Ваня Хрыско, и тогда, когда сплотились наши семьи. Благое было время! И не застольями... Мы дружили и поверяли друг другу свои планы, искали пути помощи, поддержки взаимной. Воспоминаний хватит на толстенный том.

Где же произошел обрыв их? В чем причина его?

Думаю, что дружба двух руководителей-сослуживцев не импонировала кое-кому с ул. Хмельницкой, чувствовавшему себя весьма неуверенно в своем амплуа. Среди руководителей подведомственных организаций появлялись всё новые и новые доктора наук, как грибы росли кандидаты наук — со своим самостоятельным мнением, расширяющимися связями в столице, в т. ч. и в доме напротив (ЦК КПСС. — И. И.). На этом фоне зародилась и крепла боязнь, что ВКШ выйдет из многолетнего состояния беспрекословной подчиненности. Смена руководителей (секретарей, не говоря уже о зав. отделами) порождала у них и некий комплекс неполноценности. В ход были пущены аппаратные игры и принцип «разделяй и властвуй», используй любую трещину, не дай сплотиться руководителям-профессорам. И преуспевали... Подталкивали к этому беспринципную часть коллектива и незрелость части слушателей.

В это время мне уже было 62 года. Дважды за полгода ложился в больницу², все еще не понимая, что силы уходят.

Разумное решение осенило 19 декабря 1985 года.

А это — рассказ, который я поведал только Кате.

В тот глубокий вечер я явился к Мишину (первый секретарь ЦК ВЛКСМ. — U. U.) и в присутствии Андрианова (второй секретарь ЦК. — U. U.) коротко, не ссылаясь ни на кого и ни на что, кроме своего возраста, который «создает трудности

Наверное, все обошлось бы мягче и справедливо — но у секретаря парткома ВКШ Н. Прохорова не ладились отношения с Трущенко! Поэтому «жулики» получили на всю «катушку». Боровик на бюро райкома был исключен из партии, Катульский на заседании парткома ВКШ получил строгий выговор. Оба были сняты с занимаемых должностей и уволены из ВКШ. Против такого решения из 15 членов парткома были только двое — ректор ВКШ Трущенко и зам. директора НИЦ Ильинский. А дальше понеслось: «Ректор ВКШ и зам. директора НИЦ — друзья, защищают жуликов!»

¹ А ситуация в самом деле была абсурдной... Два работника Научно-исследовательского центра ВКШ Е. Катульский и В. Боровик, где я был зам. директора, по путевкам Всесоюзного общества «Знание» поехали в Челябинскую область для чтения публичных лекций. Страну уже поразила «гласность», надо было доводить до масс идеи «новой генеральной линии партии». Они успели прочитать по две-три лекции, как у одного их них дома, в Москве, случилась какая-то беда. Но они были друзьями, а потому, прервав лекционный тур, оба тут же улетели в Москву, сообщив об этом в местное отделение общества «Знание». Его руководитель, не разобравшись в происшествии, отправил в «центр» документы, в которых значилось, что В. Боровик и Е. Катульский прочитали не по две-три лекции, а, как и предполагалось, скажем, по десять, за которые в Москве каждый из них должен был получить определенную сумму денег. Но не успели получить. Однако каким-то образом это стало известно в ЦК КПСС, откуда тут же последовала команда в Перовский райком партии принять к «жуликам» самые строгие меры. Ведь это ж ВКШ!

² В сильных стрессовых ситуациях у Николая Владимировича открывались тяжелые военные раны на обеих ногах — кровили, гноились. Тут же начинало барахлить сердце...

при избрании в ЦК, формировании зарубежных делегаций и т. п.», попросил освобождения от должности в связи с переходом в Академию (общественных наук. - $\mathit{И}$. V .) и состоявшейся предварительной договоренностью об этом с ее ректоратом.

Внешне спокойный, я, конечно же, глубоко переживал и в итоге через неделю снова оказался на больничной койке. Встав с которой, у меня оставались только полдня на прощание со школой. Я очень торопился. Тяжелый камень на груди, грусть расставания, боязнь не сдержаться...

Я очень хорошо помню, как ты зашел ко мне (теперь уже не ректору)...

Сложная гамма чувств заставила меня тогда почти отмолчаться.

Прошли годы. Мы почти не встречались близко. Правда, был случай, когда мы оказались близко — в ресторане Академии. Я уже окликнул тебя, когда ты проходил мимо моего столика, движимый прервать затянувшееся молчание. Но оба мы были не одни, и разговора бы не получилось. А нам обоим светскость была не нужна. Любезно и распрощались.

В школе я бывал редко. Больно было видеть распад. Преследовала привычка реакции на замечания на непорядок. Твоего предшественника¹ я видел накоротке три раза, но информацию о нем получал неимоверную. Вот почему с облегчением узнал о твоем назначении. Я уже был поражен тяжелым недугом и не мог засвидетельствовать свое глубокое удовлетворение, ведь школа для тебя — тоже родное детище, ставшее фундаментом для развития нового вуза и научного центра.

Нельзя восстановить в душе и изложить в письме всю гамму чувств при нашей первой встрече в окружении наших жен и общения в кругу самых близких друзей.

Нельзя словами оценить все внимание и заботу обо мне с твоей стороны, как друга и ректора. Чего греха таить, многие преподаватели и выпускники не забыли меня, часто звонят, телеграфируют, заходят, но напомнить мое имя всему коллективу, восстановить затухающую под тяжестью времени память о своем бывшем руководителе всему коллективу — твое душевное дело, благородное... Спасибо тебе, Игорь. Это благородство увидели все — и друзья, и недруги. Спасибо тебе за символ моего причастия к Институту молодежи и далеко не символическую оценку этой причастности.

У меня сужаются возможности воздать должное тебе за это. Но когда я писал «Осень. Старые клёны»², я все время думал о тебе, размышляя о наших комсомольских годах, сегодняшних днях — твоем закономерном взлете, моем неизбежном угасании.

С Днем рождения тебя, мой давний друг!

Пусть звезда благоденствия долго-долго светит тебе. Пусть всегда будет полон очаг твоего дома и радость семьи наполняет его.

Мы с Катей крепко-крепко целуем тебя.

Крепко целуем и обнимаем Светлану, детей и внуков твоих.

28.VI.95

Трущенко

 $^{^{-1}}$ Речь о Г. С. Головачеве, имя которого я уже упоминал в сноске. — $\it M$. $\it M$. $\it ^{-2}$ Николай Владимирович очень хорошо рисовал. Он подарил мне несколько своих картин и среди них — «Осень. Старые клёны».

P. S. Прости за поправки и мазню. Ручку беру редко, только когда заполняю платежные квитанции за квартиру.

В своем письме Николай Владимирович Трущенко вспоминает о том, как мы случайно пересеклись однажды в столовой Академии общественных наук. При виде его меня обуревали те же чувства, которые испытал и он в те мгновения: подойти, обнять, попросить прощения? Но оба мы были со своими товарищами, и никакого разговора не получилось бы. Вежливо раскланялись и разошлись.

Да и настроение у меня, к слову сказать, было дрянное: уже отгромыхали «гласность», «ускорение», началась горбачево-яковлевская «революция в революции», антисоциалистическая контрреволюция. На глазах тех, кто хотел понимать суть происходившего, рушилась великая держава, «самораспустился» комсомол, разваливался Институт молодежи, созданный на базе ВКШ, доживал последние месяцы никому уже не нужный Научно-исследовательский центр... И я, его директор, был занят одной мыслью: как выжить? Как сохранить его и лучших исследователей? Как не погибнуть моей семье и мне самому?

Наверное, и эти обстоятельства удержали меня от того, чтобы первому подойти к Трущенко и, наплевав на всех свидетелей, сделать то, что хотелось: обнять и сказать: «А пошли-ка, Николай Владимирович, куда-нибудь в другое место, поговорим, как много лет назад».

Случилось это только в 1994 году...

8. Екатерина Ивановна — надежный тыл «Н. В.»

Повествуя о Н. В. Трущенко, необходимо хотя бы в телеграфном стиле сказать о его супруге Екатерине Ивановне.

Признаться, я и знаю-то о ней совсем немного, хотя был знаком с нею столько же лет, как с Николаем Владимировичем.

Мне известно, что они встретились, когда оба уже состояли в браке. Екатерина Ивановна носила фамилию первого мужа — Смолякова, у них в семье росли дочери Ольга и Анна, а у Николая Владимировича — сын Евгений.

Познакомились они в ту пору, когда оба уже перешагнули границы молодости, работали в аппарате Горьковского обкома партии. Вспыхнувшая любовь была столь сильной, что они решились на расставание со своими семьями. По тем временам (кроме всех прочих переживаний) это был очень рискованный шаг: партия строго следила за моральным обликом своих работников. Развод считался поступком аморальным, за которым, как правило, следовали партийные наказания вплоть до снятия с работы. Все зависело от конкретных обстоятельств. В данном случае обошлось без серьезных выводов: оба «виновника» — Екатерина Ивановна и Николай Владимирович были прекрасными работниками, значились у начальства на самом хорошем счету...

Существует афоризм: «Женщины — это приглашение к счастью». Всего лишь — приглашение... А состоится ли счастье — это во многом зависит от мужчины, но, на мой взгляд, в гораздо большей мере — от женщины.

Екатерина Ивановна была женщиной красивой, умной, терпеливой. Глаза ее, сколько помню, искрились добротой и смехом. Приветливая и хлебосольная хозяйка. Мы со Светланой, моей женой, много раз сиживали на застольях, которые устраивали Екатерина Ивановна и Николай Владимирович. Их гостями часто бывали Александра Николаевна Пахмутова и Николай Николаевич Добронравов, Николай Иванович Масленников, первый заместитель Председателя Совета министров СССР (бывший первый секретарь Горьковского обкома партии) с женой, летчик-испытатель Георгий Константинович Мосолов, о котором уже говорил, с супругой, Иосиф Давыдович Кобзон и другие знаменитости тех времен.

Екатерина Ивановна, бросившая работу и ставшая домохозяйкой ради своего любимого «Коли-Николаши», как называла она мужа в своем кругу, всегда была на высоте разговоров любого уровня на любую тему. Шутила, первой затягивала песни, словом, была душой компании, если ее не перешибал иногда И. Кобзон...

Шли годы, которые творят с абсолютным большинством людей свои недобрые дела. А Екатерину Ивановну, как говорится, словно «заморозили» — она оставалась все такой же красивой, обаятельной, женственной.

Наблюдая, как борется с неумолимым Временем моя любимая жена Светлана Петровна, скажу, что сохранять женственность и оставаться женщиной вопреки всем обстоятельствам — это огромное мужество, присущее далеко-далеко не всем представительницам слабого пола.

Екатерина Ивановна относилась к этой редкой породе женщин...

Когда Светлана и Екатерина Ивановна встречались, им было о чем поговорить, они с нескрываемым интересом, без зависти, любовались друг другом.

После того как Николай Владимирович покинул наш грешный мир, Екатерина Ивановна около года еще пожила в их квартире на улице Косыгина, а потом засобиралась переезжать в Нижний Новгород, куда перевезли и где захоронили Николая Владимировича, где жили ее дочери Ольга и Анна с внучкой Катей.

Незадолго перед отъездом я пригласил Екатерину Ивановну в Институт молодежи — бывшую ВКШ на прощальный ужин с ректоратом Института, моей супругой Светланой, Зинаидой Павловной Десятерик и нашей свояченицей Ириной Викторовной Ермошкиной — матерью Николая, мужа нашей со Светланой дочери Натальи.

Попрощавшись с Екатериной Ивановной, ректорат нашего вуза не забыл о ней. Как могли, мы поддерживали ее до конца дней материально, а к дню рождения Николая Владимировича 25 декабря и Дню Великой Победы 9 Мая собирали посылки с разными деликатесами, которыми Екатерина Ивановна привыкла потчевать своих гостей в Москве. И мой помощник Геннадий Алексеевич Журин отправлялся с ними на поезде в Нижний Новгород...

Что бы ни говорили сегодня о Советском Союзе и советской власти, в ту пору жило и работало великое множество замечательных людей, умом, знаниями и энергией которых была построена огромная и могучая Держава. Один из них — Николай Владимирович Трущенко. Не идеальный, но настоящий Человек. Идеальных и не бывает...

В личности Николая Владимировича Трущенко гармонически сочетались Разум и Душа. Причины его слов и действий лежали не в окружающем мире, но главным образом в нем самом, в его мировоззрении и убеждениях, основополагающих взглядах на общественное устройство и человека.

Я написал очерк о Н. В. Трущенко не только для того, чтобы преподаватели, сотрудники и в первую очередь студенты нашего университета **знали о нем и его Лелах**. Это само собой.

Да, любое человеческое творение — это портрет его Творца. Но это еще и его **Образ, это Образец, которому стоит подражать. Личность** — **это неизменное в изменениях**, это способность человека не прогибаться под ускоренно изменяемый мир, а преобразовывать его согласно **правильному** мировоззрению и **правильному** образованию.

Говорят, что Память — самый бренный из памятников. Между тем вся Планета уже обставлена бронзовыми и даже золотыми памятниками королям, царям, президентам, полководцам, писателям, поэтам, композиторам, певцам, врачам и пр. и пр. А спроси многих о том, кому воздвигнут памятник, мимо которого они годами ходят на работу, задумаются и не всегда ответят правильно.

И даже те несколько сотен имен гигантов мысли и величайших подвигов во имя мира на Земле и прогресса человечества, остающихся в его истории из столетия в столетие, помнятся далеко не всеми, даже интеллектуалами.

Значит ли это, что не следует строить памятники, возносить хвалу выдающимся личностям, слагать о них поэмы, писать повести, рассказы, очерки? Я так не считаю.

Мое краткое жизнеописание личности Николая Владимировича Трущенко в период руководства Высшей комсомольской школой — скромная дань его творчеству **и пример того**, как новым поколениям следовало бы относиться к делам, которыми им предстоит заниматься. Если они, конечно, мечтают об общественном признании.

Помнить о предшественниках, которым ты обязан хотя бы частью своей судьбы, должен каждый человек. Не только помнить и воздавать должное их добродетелям словами, но и благодарить делами, помогать своему благодетелю в трудные дни, которые случаются в жизни у каждого, чем можешь. Подлинная память, как и любовь к человеку и Родине, проявляется именно в делах...

Я кое-что сделал для «увековечивания» памяти Николая Владимировича Трущенко, а теперь ставлю точку в своем очерке о нем.

Я выполнил свой долг, моя душа, а в ней — моя совесть спокойны...

2 ноября 1969 года. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, Н. В. Трущенко и А. А. Сазонов после вручения Знамени ВКШ

Секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, Н. В. Трущенко на центральной аллее ВКШ

1 ноября 1969 года. «Первый звонок» в ВКШ. И. М. Ильинский обращается к слушателям перед входом в аудиторию № 51 учебного корпуса № 2

И. М. Ильинский предоставил слово ректору ВКШ Н. В. Трущенко для первой актовой лекции

Зал ЦК ВЛКСМ. Совещание о деятельности ВКШ. В президиуме: Е. М. Тяжельников, Н. В. Трущенко, зам. министра высшего образования Н. И. Мохов, проректоры ВКШ

Торжественное заседание в ВКШ. На первом плане Е. М. Тяжельников, космонавт А. С. Елисеев, секретарь ЦК ВЛКСМ Т. А. Куценко, первый секретарь Перовского РК КПСС В. П. Трущин

У мавзолея В. И. Ленина. Слушатели ВКШ, Н. В. Трущенко, И. М. Ильинский, А. А. Сазонов

Б. Н. Пастухов, Н. В. Трущенко со слушателями и преподавателями ВКШ

Н. В. Трущенко, генерал А. М. Жало, И. М. Ильинский

Н. В. Трущенко, генерал И. И. Лисов (слева), генерал А. М. Жало

День Победы! На трибуны стадиона, на праздник!

Н. В. Трущенко и В. М. Ситцев, управляющий делами ЦК ВЛКСМ, на коленях перед руководителями военных строителей: «Умоляем! Ускорьте строительство!»

1984 год. Екатерина Ивановна и Николай Владимирович Трущенко

Портрет Екатерины Ивановны Трущенко. Рисунок Н. В. Трущенко

1982 год. На даче в Быкове. Три подруги (справа налево): Светлана Петровна Ильинская, Зинаида Павловна Десятерик, Екатерина Ивановна Трущенко

Doporod Urope Muxainobar! Сердегно поздравляю щебя с Дней ротдения и искрение энепасо поветия исполнения пвердости капитана корабля, волнующегося по мерою тишейскому 4 лювви Свейлана - Основог твоего спохобствия дужа и семейного благополугия, хранишельницо аптароя Ul u ozara. вое дни и годот моего московского воттия, установи, уть проходиями, почти все они, рядом с тобой, Игорь Muxain robbur, a inboen ce ubli. Виполинаю, как в 69-и, принов предпотения Е.М. и Б.Н., несколько недель сидел в заперти инногнито в кабинеше Яниной, изугал производство ЦКИ, а легализовавшиов, все остальные дни разрабатогвал документог новой шеколор-бок о бок е тобой. Это было нагаломнашего совместного пути, его этапов. Для тевя это был эпизод. Для меня - гетвертя века жизни. Вой гто ознагаей, пусть и невольшая но разника в возрасте... Воде з пошей на существенную лемку своего тизненного уклада, разрывам с родноги горгодом в 45 лет и трудным привожанием к измерой столигной тизни, сомым взглядота москвыей, косившихся, на приезтих варягов, занимавших "их" высокие долтности, "их" влагоуси роенные квартирог. 1 не буде рядом "новосибиряя, трудно сказать скалька раз и с какви исрой успека педывиали бот на гемвертой этат проситот предпотений о создени необыкновенного вуза. Сколько в них выпо неординавноги предпотений, ротденской сикого наставля меня: "Не годи еще одного (ко многим московским) вувам! Пока разрешают, действуй смено и решительно — твори оригинально!" И мы, Игов, кое-что в тек предоготениях и сомворими, не ведая, что существует льдель... челябинского пединотитута и непререкаемые слово стариих творищей со Сичной площаей. Двух узлов сопротивления наш не сутено вых одолейь. И шком мы открыти! И были весе тыт благоденственный день вместе от

накапа до конца.

Б. Н. в редкие минутт умиротворенного разговорд спроим меня: "Ито Н.В. расове инкола (кроме оргонта) не являемих, для вас самым крупным тизпенным ирмот? Это вый скорее не вомос а иредскадание! Он неденовым было меня, выщамы, ревыда κ Е.М. Нь работать мне с ним, да сще когда он стал "первый было легко! ви выло конкрето, гешко и никаких плиозий. Что еще мне было конкрето, гешко и никаких плиозий. Что еще мне было надо? Школу я пювал, терпел из-за нее многе, называя свою работу и спедкой катор-

пашей свичестной работот. Помнишь наши ваталии вокруг слугат борованка и катуроского и три секретарната пидашималан, доказыван, что сворятание записи в трудовой кнатке дольно соствействовать гроринулировке сманий из коденса доконов в труде, а ий мень, тебовали катурий раз дублировар в ней строки из компоровар в ней строки из компоровар в ней строки из компоровар в от у б.н. доказыван акурдность смании в услом.

По-настейнени мот нашки друг друга в Быкове и тогда когда с нати был Ванх в хригин, и тогды, в кода сплотились в нашки семьи. Благое было время! И не застоясями... Мот друпими и поверями друг другу свои планы, искали пути помощи, поддерт ки вашиный: Востоминаний общи хватита на телетенный mou.

том.

Тде те произошел обрав их. В гом пригина его?

Думано, уто друтва двух руководителем. соглутивуев

не импонировала нашим увотдям с жереницкой учретводителей подведом ственных организаций подвились вы тереводите.

Лен подведом ственных организаций подвились вы терем пуководителей подведом ственных организаций подвились вы терем подведения

со своих сакисственных организаций подвились вы терем подведения

со своих сакисственных организаций подвились вы терем подведения

со своих сакисственных организаций подвились вы терем проме зариочнаем и канарады в нестори и канарады в нестори проме зариочнаем и кнегори проме зариочнаем и кнегори проме зариочнаем и кнегори уте о зав опредлами.

Ппорытарна и них и некций испольных неполности. В код были пушено аппаратные игры и принцип празделяй и вогобили пушено аппаратные игры и принцип празделяй и вогобили пись в сольных ине уте вого солостичествения в томо обрачными обрачными обрачными провессоря. И преденеваций и польний солучных интерементиры в провессоря. И преденеваций и польных и принцип празделя в польсори

потипся в сольныму, вие уте вого с года обраща в польсори

потипся в сольныму вие уте вого с года обраща в польсори

потипся в сольныму вие уте в пому в забото и принцип и по обрачными и по сременными и по с принцип и по обрачными и по обрачны

расставания, болзно не сдержанием...

Я огень хорошо помню как то дашел ко шне (теперь уте

не ректору) ...

Спотная гамия гувейв засилвина меня почти отмонний. Прошти годы. Мы погти нето не всирегались блидко. Правда, бого стугай когда мы оказатие блидко — в рестероне Академии. Я уте оклукную тебя, когда ты проходия мино моего стогика, двитимоги прервать зайлинувшееся можание. Но оба мы боли не одни и разговоря вы не получилось. Я нам обочи свещскость бола не нутна. Любедно чилось. Я нам обочи свейсковть вола "не неутич могоми и распрощались.

— В шкоге я больа редко. Больно водлю видей в распад.

Среспедовала привыгна образа редко. Больно водлю видей враспад.

Среспедовала привыгна образа редко. Вой погему с облегиемен и раза, но ундорменция и мей получал ней сеоборную. Вой погему с облегиемен и и узнам с тогому с облегиемен и узнам с тогому с облегиемен и узнам с тогому с облегиемен и узнам с тогому с образа и не чет засыдей свое глубокое удетокий разариями, не образа и немутью устора.

Ворения ведь школя для побем порые детиму с ствеше оруща метом доло выбыть в душе и и на потить в теслее выс глубоко устора.

Вою гамину гретвира намей порвой встрики в окружении наших тен и общения в кругу саток вызыки другей.

Негоза словалии суснить вы вниматим и засоту обо мне с тьогой спороной, нак друга и ректора. Гей греке такто, инее с тьогой спороной, нак друга и ректора. Гей греке такто, инее преподаватели и возмустими не заботу обо мнесть преподаватели и возмустими не заботу обо инее преподаватели и возмустими по принать с свет вывшем руководителя вогом и принаствы с пологой верей и другова и него колокой и принаствы с по прина обора и принастности.

Вомент помето с свет вышем руководителя возмуст, спасиво тебе за симбоп мого убидем вой и другова, и недути. Спасиво тебе за симбоп мого пригастиз к институту и фестуму и препости обосной пригастности.

За ото не симбогительной возмот пригастности.

За ото не когда и тист, Осень, Старсе клекот в вее время дучал о тебе, размотительной возмот пригастностих годах, сегоднашних дня твоем откоем обосной стаком смерном волече, моем негобетным угасании.

С отеле, размотить в самономненном волече, моем негобетным угасании. С Днем ротдения тебя, мой давний друг!

Пусть звезда благоденствий долго-долго светит
тебе. Пусть выгар будей полон ског тебего дома
и радобть семьи напозняет его:
Мы с Кайей крепко-крепко цемем тебя.
Крепко цемуем и общинаем Светлану, дейей и вкухов

28. vī. 95 C

Р.Б. Прости за поправки и мазню. Ругку беру редко, только когда заполням платетные квитанции за квартиру.

Документально-художественное издание

Ильинский Игорь Михайлович **ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕНИ**

(документальный очерк о Н. В. Трущенко)

Корректоры Т. Л. Ожиганова, Н. М. Шешеня Компьютерная верстка Г. Г. Кротовой Дизайн обложки А. О. Хвостиков

Подписано в печать 08.11.2019. Формат 70×100/16. Печ. л. 3,25. Тираж 500 экз. Изд. № 602. Заказ № 107.

Издательство Московского гуманитарного университета, 111395, Москва, ул. Юности, 5